

Сергеева Диана

*Сююмбике.
Легенда*

18+

Диана Сергеева Сююмбике. Легенда

<https://litres.ru/73898049>

SelfPub; 2026

Аннотация

Роман основан на исторических событиях середины XVI века и повествует о трагической судьбе Сююмбике — ногайской княжны, ставшей правительницей Казанского ханства в его последние годы. Книга сочетает элементы исторической драмы, любовного романа и политического триллера, прослеживая путь героини от наивной девушки до мудрой, но обречённой царицы. В ткань повествования искусно вплетены многочисленные легенды, бытующие в национальном фольклоре: предание о Су Анасы — водяной, которая забирает на дно озера предателей и дарит гребень людям с чистым сердцем; о шкуре — на которой возвели город Свияжск; сказание о Башне Сююмбике, что была построена за семь дней по приказу Ивана Грозного; легенда о лебеде, в которого превратилась царица; о сокровищах, что спрятаны возле стен кремля Казани, а также древние предания о пророческих снах Гуахарашат. Эти фольклорные мотивы не просто украшают повествование, но становятся его неотъемлемой частью, придавая роману глубину и мистическую атмосферу.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	97
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Сююмбике. Легенда

Глава 1

Жизнь каждого человека словно книга. История с радостными, грустными, полными обиды и гнева моментами, весельем и скукой, любовью, трепетом и ненавистью. Жизнь перетекает изо дня в день, оставляя свой след в истории. Для кого то этот след становится известным на весь мир, а у кого то он остается своим личным воспоминанием, таинством, с которым даже не всегда хочется делиться с другими. Хочу рассказать Вам историю, и очень надеюсь, что для каждого она будет интересна и познавательна, а еще лучше если хоть кто то вынесет урок из прошлого.

Стояла зима. Посреди заснеженной степи скакала девочка на красивой белокурой лошади. Она мчалась вперед, словно ветер, чувствуя свободу и познавая бескрайние просторы родного края. Невдалеке за ней мчалась её охрана, а она всё пыталась оторваться, почувствовать себя вольной, без всяких обязательств, принуждений и своего долга. Ветер со свистом проносился мимо её ушей, трепал щёки и сбивал скупые слёзы. Длинные, чёрные как смола волосы разлетались позади неё.

Меньше чем час назад юная Сююм узнала о том, что ей предстоит выйти замуж. Всего лишь четырнадцать лет от ро-

ду — а уже невеста и совсем скоро жена. Жена не по своему выбору, и даже не по выбору отца или матери, а жена из политических целей. Сююм — дочь ногайского бия, и было вполне ожидаемо, что брак её будет заключён не по зову сердца, а по зову необходимости для своего народа. В жёны её сосватал казанский хан Джан-Али, только что достигший совершеннолетия, и власть в Казанском ханстве официально перешла к нему в руки. Его регентша недолго думая предложила тут же заключить брак с Сююм: этот брак, как она думала, поможет приблизить ногайского бия Юсуфа и укрепить интересы Казанского ханства. К этому времени она уже полностью вошла в роль правительницы Казанского ханства и старалась как можно дальше держать племянника Джан-Али от государственных дел, но на женитьбе всё же настояла.

Уже тогда маленькая Сююм понимала, что брак для неё словно тюрьма, ограниченная стенами дворца, интригами и заговорами. До сегодняшнего дня она даже и не помышляла о замужестве. Её образ жизни, любовь отца и матери, братьев наполняли миром и душевным спокойствием всё её существование. Вольная степная душа осознавала, что грядёт жуткий переворот в жизни, которого она вовсе не хотела. Конечно же, она мечтала о любви, о детях, но это было где-то только в мечтах и где-то так далеко. Однако это прекрасное «далеко» оказалось возле неё. За какую-то минуту она перешагнула целую пропасть и оказалась у неизведанных врат. Понимая это, она мчалась всё быстрее, пытаясь скрыться от

страха перед неизведанной новой жизнью.

Вскоре на её пути оказался небольшой лес. Эти места были хорошо знакомы свободолюбивой принцессе: здесь она часто бывала и с отцом, и с братьями. Она спешила и побрела вглубь по полузаметённой тропе. Лошадь устала, и, чтобы не загнать её, Сююм решила отдохнуть, а заодно впитать магию этого чудесного места, тишину и покой родного края. Её слуги остались где-то позади, и она могла наслаждаться тишиной и своим умиротворяющим одиночеством, блуждая не только по лесу, но и в глубине своих мыслей, представляя себя в новой роли и в новом доме.

Лес был погружён в зимний сон. Лишь изредка доносились голоса птиц, звуки деревьев, раскачивающих свои стволы от ветра, или треск морозной коры. Белки прыгали с ветки на ветку, рыская по дуплам в поисках съестных припасов, а невдалеке виднелись следы зайцев и лисиц — видно, совсем недавно здесь была самая настоящая погоня.

Сююм подняла глаза, и буквально перед её носом пролетела стрела. Она растерялась и свалилась в сугроб. От неожиданности её лошадь Ахра встала на дыбы и громко заржала. Поводья перетянули Сююм руку и потянули вверх, отчего она ударилась о дерево и порезала руку о выступающий сук.

— Стой, девочка, стой! Я рядом, всё хорошо! — раздался незнакомый мужской голос.

Лошадь была очень возбуждена, но голос Сююм и её умелые действия быстро успокоили Ахру. А в это время к ним

стремительно приближались несколько охотников. Сююм оглядела их — эти люди были ей незнакомы, и доля волнения и опасности забурлила в её крови.

Один из охотников явно выделялся среди остальных. Статный, красивый, с правильными чертами лица, хорошо одетый юноша смотрел прямо на неё, а его карие глаза словно пленяли. Испуганная, заморожённая Сююм не могла оторвать глаз от случайно встретившегося высокородного путника. Она обратила внимание на его кинжал: он явно принадлежал к знатному сословию, и даже больше — очень походил на какого-то царевича, но припомнить она его не смогла.

Тем временем охотник подскочил к юной девушке и слез с лошади.

— Как ты здесь оказалась? Почему ты здесь одна? — Он увидел кровь на снегу и схватил её за руку, чтобы рассмотреть рану. — Разве можно гулять одной по лесу? Где ты живёшь? Тебе срочно надо домой, нужно перевязать рану. Пойдём, мы тебя проводим. Я должен доставить тебя домой.

— Меня зовут Сююм, я живу во дворце, — ответила она, одёрнув руку, показывая свой непростой нрав. Голова её была гордо поднята, всем своим видом она демонстрировала самодостаточность.

— Кто же тебя, бедолагу, отпустил? Давай я тебе руку перевяжу, — протягивая руки, предложил мужчина.

— Сююм-ханым, Сююм-ханым! — раздались крики. Это были слуги бия Юсуфа, которые должны были охранять Сююм и от которых она так ловко сбежала. — С вами всё в порядке?

Приблизившись, они увидели капли крови на снегу, тут же обнажили сабли, спрыгнули с лошадей и окружили Сююм, защищая свою подопечную.

— Да вы хоть представляете, кто перед вами?

— Меня зовут хан Сафа-Гирей, я зять мурзы Мама. Я с миром в этом лесу.

В этот миг слуги в мгновение ока уже окружили путников.

— Я вынужден доставить всех вас во дворец, — приказным тоном сообщил старший слуга, усаживая Сююм на лошадь, и вся свита отправилась достаточно быстрым ходом во дворец Юсуф-бия.

Путники не оказывали сопротивления, понимая серьёзность происходящего. К тому же Сафа-Гирей быстро смекнул, что может обыграть случившуюся ситуацию в свою пользу — ведь покровительство самого Юсуф-бия ему сейчас было как нельзя кстати.

Рана Сююм была неглубокой, но кровотечение оказалось очень сильным: весь рукав и лошадь были испачканы в крови. Во дворце сильно испугались, увидев наследницу в алых пятнах, и весть мгновенно разлетелась по всем хоромам. Не обошла она и покои бия Юсуфа.

Услышав, что любимая дочь ранена, он просто вышел из

себя и, разъярённый, направился в покои своей единственной дочери, приказав привести виновника в его комнаты.

Лекарша обработала рану, обмыла руку и перевязала её. Кровотечение к этому моменту уже остановилось, и когда Юсуф-бий вошёл, всё выглядело уже не так страшно. Войдя, он бросился на колени перед дочерью. С Сюум его связывала очень тесная духовная связь. Ни к одному из своих детей он не был так привязан, как к младшей дочери.

Юсуф отличался добрым, любящим — особенно к своей семье — нравом. Ему была свойственна строгость, но в то же время расчётливость и рассудительность. Он был хорошим правителем, стараясь учитывать интересы всех сословий. Имея выгодное расположение своих земель, он тщательно продумывал стратегию развития своего государства, вкладывая усилия не только в обогащение собственного рода, но и в социальное развитие своих подданных, даже несмотря на то, что по духу его нация была кочевым народом.

Кочевничество — это не просто образ жизни, а дух степных народов: жажда воли, дыхание ветра и нестигаемая сила духа. В жилах чувствуется кровь великих монголов, словно мощь великого Чингисхана разлилась с кровью в его тысячах потомков.

В семье он был верным мужем, и хотя повелитель, имеющий такую власть и силу, мог обладать множеством наложниц и иметь как минимум четырех жён согласно религии, Юсуф давным-давно остановил свой выбор на Азире-ханым,

которая и стала матерью его детей. Верная спутница и соратница, всегда поддерживающая своего супруга. Юсуф понимал, что должен вырастить умных и достойных его детей, поэтому не жалел сил и вкладывал в их образование и воспитание огромные ресурсы. Понимая, что вражда в семье может разрушить даже самое крепкое государство, он учил детей с самого юного возраста хранить и беречь семейный очаг.

Но сердце его обливалось кровью от мысли о том, что его единственная и самая любимая дочь должна покинуть отчий дом и выйти замуж. Её брак — это начало новой истории, которая может принести огромные благие последствия для их кочевого народа. К тому же брак с казанским ханом сможет в будущем помочь его сыновьям. Именно на это надеялся Юсуф, давая согласие казанским послам. Как хороший стратег, он пытался просчитать несколько шагов вперёд.

Увидев Сююм с перевязанной рукой, словно раненого воина с поля боя, Юсуф полностью осознал, что его маленькая пташка выросла и более ему не принадлежит. Он хоть и останется навсегда её отцом, но отныне не сможет полностью управлять её жизнью — судьба Сююм уже решена.

— Доченька, ну как же это получилось? Почему ты осталась одна? Где была твоя стража?

Сююм взяла голову отца себе в руки, взглянула в его глаза и нежно ответила:

— Я должна была проститься со своим детством. Я оста-

вила его там, в лесу. Среди деревьев, что росли вместе со мной, на земле, где я бегала босыми ногами, в степи, где дышала полной грудью и чувствовала себя свободной. Я должна была проститься со всем этим великолепием. Здесь я была счастлива, здесь были ты, мама и братья, мы были единым целым, мы были лепестками одного цветка, а теперь лепесток должен улететь по ветру. Я простилась с местом, которое так дорого моему сердцу. Даже если я вернусь сюда, я не буду уже той наивной, маленькой Сююм. Я понимаю: детство закончилось, и мой долг — исполнить твою волю. Я покорно соглашаюсь с твоим решением, хоть мне это и не по душе.

— Сююм, я не думал, что ты уже настолько мудра. Исмаил, — обратился он к слуге, — вели казнить стражу, что сопровождала Сююм сегодня.

— Отец, они ни в чём не виноваты!

— Они допустили, что пролилась твоя кровь.

— Отец, прошу тебя! — она схватила отца за руку. — Я сама виновата. Накажи меня, но не их. Ты сам учил меня трезво смотреть на мир и быть милосердной.

— У всего есть предел. Если я спущу им это с рук, то не смогу больше спать спокойно — это будет значить, что вся моя семья в опасности.

— Отец, отошли их, но не убивай! Отец! — она встала на колени, в то время как её отец направился к выходу.

— У всего есть последствия. Даже твой поступок для некоторых обернулся плачевно. Это урок, который многие

сегодня должны усвоить, в том числе и ты.

— Отец! Отец! — слёзы градом катились из её глаз.

Сююм понимала ценность человеческой жизни — она никогда не была затворницей и видела жизнь простых людей, детей, нищих, живущих возле городских стен.

Юсуф-бий направился к выходу и по дороге проронил:

— Мне сказали, что виновником твоей раны стал свергнутый хан Сафа-Гирей?

— Да, — вытирая слёзы, ответила Сююм.

— Я приму его. Он тоже должен понести наказание. Да и к тому же, чего он забыл в наших краях?

И Юсуф вышел из комнаты.

— Отец! — крикнула ему вдогонку Сююм.

Она осталась сидеть на полу, продолжая плакать. Она понимала, что её желание обрести свободу, почувствовать запах ветра, обернулось трагедией для её верных слуг. Десятки невинных людей в один миг лишатся жизни. Боль от ошибки никак не оставляла её сердца.

Через несколько минут в комнату вошла её мать. Она бросилась к дочери и тут же подняла её с пола.

— Сююм! Сююм! Ну как же ты меня напугала! Цветочек мой, доченька, как сильно ты ранена?

— Мама, отец велел умертвить мою стражу. Они ни в чём не виноваты.

— Не плачь, моё сокровище. Отец точно знает, что делает.

— Но это моя ошибка! Они не должны страдать из-за это-

го. Разве я уже не наказана?

— Чем ты наказана, дитя моё?

— Я вынуждена покинуть тебя и отца. Меня отдадут в жёны человеку, которого я никогда даже не видела, в чужие земли. Там нет лугов, нет степей. Одни леса да городские стены, за которые я вряд ли когда-нибудь выйду.

— Ты нарисовала жуткую картину в своём воображении. Казанский хан — это лучшая партия для тебя, моя Сююм. Не только потому, что это выгодно для нашего народа. Казанское ханство — одно из богатейших княжеств, а сам край порой поражает своей красотой. Твой жених молод, знатен. Я уверена, что даже красив. Он из хорошей семьи и хорошо образован. В таком юном возрасте он уже хан могущественного государства. Ты станешь женой могущественного повелителя. Вскоре у тебя родятся дети, и ты будешь счастлива как никогда. Крик ребёнка при рождении заглушит самую большую боль. Материнство точно сделает тебя счастливой. Но если ты хочешь стать по-настоящему счастливой, ты сейчас должна вытереть слёзы и постараться полюбить мужа. Замужество — это не наказание, а дар. Ну где ещё мы смогли бы найти тебе лучшего суженого?

— Ну, если только Сафа-Гирей?

— Сафа-Гирей? — удивлённо спросила Азире. — Откуда такие мысли, доченька?

— Я повстречала его в лесу.

— Сафа-Гирей — это прошлое Казанского ханства. Он не

смог удержаться на троне, хотя слухи о нём всегда доносились только хорошие.

— Он очень милый человек.

— О, я смотрю, моя Сююм впервые взглянула на мужчину.

Сююм покраснела от таких разговоров — ведь это был первый разговор матери и дочери на такую взрослую тему.

— Матушка! — воскликнула Сююм.

— К тому же, насколько я знаю, у него уже четыре жены. Я знаю, что у ханов бывает гарем, где множество наложниц. Мне такая судьба кажется не очень завидной. Я бы не хотела делить твоего отца с кем-либо и благодарна небесам, что спустя столько лет он верен только мне. Женщина намного слабее мужчины, без мужчины женщине не выжить, и большинству приходится мириться с тем, что мужчина берёт в жёны многих женщин. Чем больше женщин у мужчины, тем больше он самоутверждается, тем богаче его считают. Но лишь единицам женщин удаётся стать единственной и любимой, пронести всю близость и таинство любви через всю жизнь. Став женой Джан-Али, ты постарайся стать его единственной женой и любовью на всю жизнь. Это тебе мой материнский совет. Надеюсь, ты прислушаешься к нему и последуешь моим словам. Я буду молиться, чтобы ты была счастлива.

Азире-ханым искренне верила, что своим примером показала дочери, каким должен быть семейный уклад, и про-

сто не допускала мысли, что у той сложится иначе, чем её собственные отношения с мужем. В её голове не было даже мысли о том, что может быть как-то иначе.

Слёзы Сююм подсохли, они обнялись и какое-то время просто сидели молча. Позже, когда Азире-ханым собралась покинуть комнату дочери, Сююм спросила:

— Мама, а как же охрана?

— Я не обещаю, что смогу что-то сделать, но поговорю с отцом.

Сююм бросилась к матери и стала целовать её руки.

— Я знаю, что правильно вырастила тебя, доченька. Оставайся всегда такой же милосердной.

Азире-ханым вышла из покоев, а Сююм осталась в комнате, переживая вновь все эмоции уходящего дня.

В то время пока в покоях мать беседовала с дочерью, Юсуф-бий отправился в зал заседаний, где его уже ожидал Сафа-Гирей. Государю не терпелось спросить с бывшего Казанского хана за то, что случилось в лесу.

— Рассказывай, Сафа-Гирей, как так получилось, что свет моих очей — Сююм — оказалась ранена сегодня в лесу?

— Уже некоторое время я в гостях у своего тестя, здесь, в Ногайской Орде. Сегодня я отправился на охоту недалеко от города — есть небольшой лес. Я люблю пострелять по белкам. Там обычно никого не бывает, а сегодня я выстрелил и услышал ржание лошади. Я сразу поскакал на шум. Ваша дочь зацепилась за коня и поранилась о дерево. Как её рана?

— Уже лучше. Но из-за твоей небрежности пострадала моя дочь, — повысил голос бий. — Нельзя быть таким безответственным. Сююм не простолюдинка! Она наследница моя и невеста Казанского хана Джан-Али.

— Значит, вы скоро породнитесь с Казанским ханом? — удивлённо спросил Сафа-Гирей.

— Это вообще не твоего ума дело. Почему ты не уехал в Крым? Зачем ты здесь?

— В результате заговора я вместе со своей семьёй был вынужден бежать из Казани. Моя первая жена родом из этих мест, она давно просилась повидать отца и мать. И как обидно: заговор я раскрыл, но лишь в самый последний момент. Я не успел обезопасить себя. Если бы остался, меня бы, скорее всего, убили противники. Моя политика устройства Казанского ханства не устраивает Московское княжество, и московский князь всеми силами пытается меня сместить. Я, признаться, удивлён, насколько легко подкупить членов политических партий. Большинство эмиров, мурз, беков — тех, кто решает судьбы тысяч людей, — думают только о себе. Вся знать поддержит лишь того правителя, от которого в карман будет сыпаться больше золотых монет. Многие живут одним днём и не думают о том, что нужно развивать ханство, налаживать новые торговые и промысловые пути. Если не развивать территории, то в конечном счёте наши земли ждёт упадок.

— Всё верно говоришь. В наше время тяжело остаться у

власти. Заговоры и интриги не дают возможности полноценно управлять страной. А постоянные перевороты только вредят государственным делам.

— Позвольте мне сегодня отужинать вместе с вашей семьёй.

— Это хорошая идея. Ты бы мог нам больше рассказать о Казани. Сююм вскоре предстоит отправиться в дальний путь, и было бы неплохо, если бы она хоть что-то знала о своём новом доме.

Вечером в доме Юсуф-бия был званый ужин. Такие вечера — большая редкость, и Сююм как никогда была рада этому событию. Она долго прихорашивалась, надела лучшее платье, лучшие украшения и попросила сделать красивую причёску.

Ещё в лесу Сафа-Гирей тронул её сердце, но даже себе самой она боялась в этом признаться. Ей хотелось поскорее увидеть нового знакомого и насладиться его обществом. Он был словно новая игрушка, которую очень хочется рассмотреть: человек с прекрасными манерами, хорошо образованный, говорящий красиво и мелодично, бывший хан одного из могущественнейших государств.

Принарядившись, Сююм стала просто очаровательна. Несмотря на свой юный возраст, она выглядела довольно взросло — чуть старше своих лет. Длинные чёрные волосы закрывали поясницу, бездонные чёрные глаза и очаровательная улыбка всегда выделяли её из толпы. Красивая, строй-

ная девочка потихоньку превращалась в восхитительную девушку. Было очевидно: ещё пара лет — и своей красотой она будет покорять и вдохновлять сердца многих.

Еле дождавшись вечера, Сююм вместе с матерью спустилась в зал, где уже ожидали гости. Сафа-Гирей приехал со своими четырьмя жёнами и двумя маленькими сыновьями. Азире и Сююм подошли к Юсуф-бию и его гостю, тихо поклонились и встали рядом. Мужчины о чём-то мирно беседовали, не нарушая спокойствия, царившего в комнате. Дети играли на ковре, а жёны Сафа-Гирея покорно сидели рядом.

Сююм, словно замороженная, смотрела на них. Множество мыслей крутилось в её голове, но одного она никак не могла понять: как эти женщины смогли усмирить свою ревность и как он может их всех любить одновременно? Вскоре все отправились в трапезную, где уже были накрыты столы, полные всяких яств, и продолжили беседу.

— Расскажите нам, Сафа, побольше о Казани, — попросил Юсуф-бий. — Ведь Сююм совсем скоро отправится туда жить.

— Казань — прекрасный город, — с воодушевлением начал Сафа-Гирей. — Он стоит на холме у самой реки. Все времена года сменяют друг друга в этом дивном краю: студёная зима уступает место благоухающей весне, весна переходит в ароматное тёплое лето, а лето — в дождливую, но поистине великолепную осень. Здесь удивительная атмосфера: стоит лишь раз приехать в Казань — и навсегда влюбишься

в этот город.

Рассказывая о своём городе, Сафа-Гирей был очень воодушевлён. Чувствовалось, что он потерял нечто очень значимое в своей жизни. А юная принцесса смотрела на него заворожёнными глазами, восхищаясь его речами.

— Вы хотите опять вернуться на престол? — немного опасливо спросила Сююм, перебивая рассказ.

— Если на то будет воля Всевышнего — я вернусь, — твёрдо ответил он. — Ведь я оставил много незаконченных дел.

— А какие там люди? — не унималась Сююм.

— Сююм! — одёрнула её мать.

— Простите, наверное, мой вопрос неуместен, — опустив глаза, сказала Сююм.

— Решение о том, что Сююм выйдет замуж и переедет из родительского дома, было принято только сегодня, — с улыбкой и долей иронии пояснила Азире. — Нашей девочке ещё сложно свыкнуться с этой мыслью, и тем более с её любопытным характером — она суёт свой чудный носик не в свои дела. Хотя любопытство — это не так уж и плохо. Эта черта характера помогает людям достигать новых вершин. Любопытство движет человеком к развитию — и в науках, и в искусстве, да и в обыденной жизни. Насколько я знаю, Казань славится как религиозный и просветительский центр. К тому же через этот край проходят многие торговые пути.

— Вы совершенно правы, Азире-ханым. Хотя Казань —

деревянный город, он очень красив. Чего стоит только многоминаретная мечеть! Она просто великолепна. Её убранство богато и золотом, и драгоценными камнями, а полы устланы самыми дорогими персидскими коврами. Совсем недавно главой духовенства стал известный сеид Кул-Шариф. Он не просто прямой потомок нашего пророка Мухаммеда — он великолепный поэт, известный учёный и очень уважаемый человек. Мой дворец — тоже изюминка Казани. Все ханы, правившие до меня, вносили свой вклад в роскошное оформление покоев. Всё сделано безупречно. Я очень скучаю по дворцу, но всё же надеюсь, что юная Сююм будет счастлива там.

Сафа-Гирей взглянул на неё. Нежная, застенчивая и робкая девушка сидела на диване неподалёку от него. Когда же в ней появилась такая скромность и покорность? Раньше, будучи свободолюбивым, вольным ребёнком, она практически никогда не сидела на месте, а тут, неожиданно для всех, её нрав утомился. Она тихо сидела и воодушевлённо смотрела на собеседника, внимая каждому его слову, словно заворожённая. Да, ей были интересны его речи о городе, куда в скором времени предстояло отправиться, где ей суждено начать новую, взрослую жизнь. Но сейчас это не имело никакого значения. Сейчас только общение с новым знакомым интересовало маленькую Сююм.

За незатейливым разговором время пролетело мгновенно, оставив собеседников в хорошем расположении духа.

Уже поздно ночью, когда Сююм легла спать, сон никак не хотел овладевать ею. Её большие глаза были распухшими и совсем не закрывались. Новые чувства и ощущения испытала Сююм в этот прекрасный день. В её голове творился настоящий хаос от непонимания всего, что сегодня произошло. И пока солнце не постучало в её окно, она так и пролежала, пытаясь принять и осознать все перемены, случившиеся в прошедший день.

Прошло ещё несколько недель, и все приготовления к свадьбе были закончены. Сююм была готова отправиться к своему суженому, чего делать ей очень не хотелось. Сундуки с приданым, лошади и прочий скот ждали своего часа, когда караван отправится в Казань и перечеркнёт детство юной девушки. За это время были сшиты десятки платьев, украшенных драгоценными камнями, куплены украшения и прочие атрибуты для невесты. На всё это она смотрела очень уныло, ведь блеск драгоценностей никогда не восхищал её. Азире хатун очень переживала, что дочь стала реже улыбаться и взгляд её больше не излучает искреннюю радость. Но она никак не могла догадаться, в чём крылась причина боли её дочери. Она списывала всё на предстоящую разлуку, но только сама Сююм понимала: её отдали замуж за человека, вряд ли способного покорить её сердце так, как Сафа-Гирей. Ведь мысль о нём так и не покидала её с того дня, как стрела, выпущенная из рук юноши, пролетела возле неё, хотя героя своих мыслей она так больше и не встречала.

Настал тот день, когда все приготовления были закончены, и Сююм отправилась вместе со своим караваном в путь. Братья долго ехали за ней, провожая сестру навсегда из отчего дома. Слезы текли рекой — и у Сююм, и у её матери.

— Только будь счастлива, — молила мать. — Полюби и будь любима. Пусть детский смех никогда не покидает тебя. Я буду молиться за тебя, — шептала она, словно заповедь, провожая дочь в дорогу.

Ещё долго Азире смотрела вслед уезжающей дочери, и слёзы словно виноградные грозди стекали по её щекам — то ли от поверья, что чем больше прольёт слёз мать накануне свадьбы ребёнка, тем счастливее будет дитя, то ли от страха и волнения за единственную дочь.

Глава 2

Путь был неблизким. Версты дорог, леса, поля, деревни сменяли друг друга. Это было первое такое долгое путешествие для Сююм. Ей было очень интересно наблюдать всю суету вокруг тропы, по которой двигался её обоз. Несмотря на то, что был конец зимы, лежало много снега. Порой дорога была полностью заметена, и каравану приходилось останавливаться, дожидаясь, когда расчистят путь.

Вскоре путешествие подошло к концу, и вся свита юной невесты остановилась недалеко от Казани, где Сююм смогла освежиться и переодеться в красивое платье небесно-голубого цвета. Оно было расшито драгоценными камнями и золотыми нитями. Голубой калфак, украшенный такими же голубыми самоцветами, подчёркивал знатность и высокое положение особы, носившей его. К концу пути Сююм уже успокоилась и приняла свою судьбу, утихомирив свои чувства. Ей поскорее хотелось познакомиться с новым окружением и особенно с будущим мужем. Разум наконец принял тот факт, что замужество — неоспоримое событие в её жизни, и если так уж суждено, то от судьбы не уйти, а Сафа останется лишь мимолётным увлечением, случившимся с ней в родном крае.

Наконец на горизонте показалась величественная деревянная крепость с возвышающимися минаретами мечетей. Даже издали было видно, что это очень красивый и боль-

шой город. Карета Сююм въехала в большие резные ворота, где её уже ждали слуги. Она величественно вышла из экипажа и отправилась во дворец — сразу навстречу жениху и его тете-регентше.

— Добро пожаловать в Казань, — сказала Гуахаршад.

Она была просто очарована Сююм и совершенно не жалела о том, что посоветовала племяннику выбрать именно её себе в жёны.

— Мы очень долго ждали тебя и надеемся, тебе очень понравится в нашем дворце. Ты, наверное, очень устала с дороги. Позволь, я отведу тебя в твои покои.

— Благодарю вас, госпожа, — ответила Сююм. — Я очень рада встрече с вами. Дорога была действительно долгой и достаточно сложной. Очень часто на пути встречались снежные заносы, но благодаря воле Всевышнего я наконец добралась до вас.

Джан-Али сидел на своём троне и искоса посмотрел на происходящее.

Гуахаршад обратилась к нему:

— Повелитель! Знакомьтесь! Это ваша будущая жена.

Удивительно, но Сююм совсем не впечатлила юного падишаха. Несмотря на свою красоту, изящество линий фигуры, Джан-Али очень холодно отнёсся к ней.

— Располагайтесь, ханым, вскоре будет ужин. Я прикажу, чтобы вас позвали на него.

Джан-Али встал и покинул зал. Сююм поклонилась, но

была совершенно поражена произошедшим. А Гуахаршад, увидев смущение юной невесты, сказала:

— Не беспокойся. Через неделю сыграем свадьбу. Вы ближе познакомитесь с Джан-Али. Он очень хороший, умный юноша. Я думаю, когда вы узнаете друг друга получше, то узнаете чувство любви и будете жить долго и счастливо.

С первых же минут тётя хана произвела на Сююм очень тёплое и приятное впечатление, хотя она уже была совсем немолода — ей было больше пятидесяти лет. Она сохранила изящную кожу, прекрасную, статную фигуру и трезвый взгляд. В одежде она была достаточно скромна, но при этом весь её облик дышал властностью, строгостью и истинным аристократизмом. В ней чувствовались твёрдость характера и острый ум, а в глубине глаз таилась тоска. Однако, несмотря на весь статус госпожи, на её лице угадывалась теплота — пусть и не каждому уловимая.

Зная своего племянника, а особенно его нрав, Гуахаршад сразу поняла, что девушка, выбранная в качестве невесты, не произвела на Джан-Али никакого впечатления. Его и так было очень сложно уговорить. Этот брак был скорее политическим, нежели истинным желанием Джан-Али взять в жёны девушку из правящей династии Ногайского княжества. Он согласился на этот брак только потому, что это должно было сделать его более самостоятельным в принятии решений в отношении политической деятельности в Казанском ханстве. Ему казалось, что, наконец женившись, он сможет из-

бавиться от влияния своей регентши Гуахаршад, почувствовать себя независимым и самоутвердиться как в собственных глазах, так и в глазах знати, которая обладала властью почти такой же, как и сам хан, если не большей.

В то же время делами ханства он никогда особенно не интересовался — это были лишь его рассуждения и мечты. Сам он не привык решать проблемы и принимать ответственные решения. Большую часть его мыслей занимали лишь собственные развлечения и наложницы, среди которых были две явные фаворитки.

Гуахаршад особо не стремилась посвящать племянника в дела государства. Её абсолютно устраивало положение вещей и её титул. С самого раннего детства она росла в тени своих братьев. Мать не наделяла её большой любовью, а всю заботу и материнскую ласку распределяла между сыновьями, которых растили как будущих ханов. Но ни одному из них долго править не пришлось.

Будучи занятой сыновьями, дворцовыми интригами и переворотами, мать Нур-Султан так и не позаботилась о замужестве дочери, и в семнадцать лет отправила её к брату-хану в Казань в надежде, что он сможет обуздать непростой характер дочери. Суровость матери оставила сильный отпечаток в душе княжны и воспитала в ней строгость и целеустремлённость. Всю свою жизнь она много читала, слушала рассказы местных и приезжих учёных, поэтов, мыслителей, учила языки и диалекты близлежащих княжеств и воло-

стей. Поэтому, когда встал вопрос о регентстве Джан-Али, её выбрали как самого лучшего кандидата — не только из-за кровной связи, но и потому, что она была одной из самых образованных особ, способных занять место регента при малолетнем хане.

Сююм показали её покои. Они были великолепно отделаны: большая красивая кровать, диваны возле окон, резные столики, шкатулки, вазы и множество других элементов декора порадовали ногайскую княжну. Конечно, она обратила внимание на холодность приветствия будущего мужа и очень переживала, что не понравилась ему. Все эти мысли она старалась гнать от себя — ведь это только начало.

В комнату стали заносить сундуки с её приданым, а две служанки, открывая их, спрашивали, куда раскладывать вещи. Это были приятные хлопоты. Девушки выбирали наряд на ужин для Сююм, и позже, когда ханбике уже была готова к ужину и одета в красивое красное платье, расшитое серебряной нитью, она просто сидела на диване, наблюдая, как всё её богатство обретает новое место в её новых покоях.

Вскоре её позвали на ужин, и она с нетерпением отправилась на встречу, мечтая, что за ужином сможет как-то лучше познакомиться с падишахом и исправить неприятный конфуз, возникший при первой встрече.

В коридоре перед покоями хана Сююм встретилась с регентшей молодого хана.

— Ты немножко обустроилась? — спросила её Гуахаршад.

— Да, спасибо, покои оказались очень красивыми. Мне здесь очень нравится, дорогая ханбике. Я бы очень просила вас показать мне всё. Думаю, у вас здесь есть большая и красивая библиотека, какие-то другие места. Я очень надеюсь, что вы станете моей самой близкой спутницей.

— Не переживай, я постараюсь тебе во всём помочь. Если что, ты можешь обратиться к моим служанкам — они всегда исполнят твои просьбы. Поскольку я тоже бываю очень сильно занята государственными делами. Джан-Али пока ещё только берёт бразды правления в свои руки, но я думаю, уже вскоре он станет хорошим правителем. Надеюсь, ты мне в этом тоже будешь помогать, — улыбнулась Гуахаршад.

— К сожалению, я очень неопытна в государских делах, но я очень буду стараться.

— Хорошо! — Слова Сююм были настолько милы и наивны, что Гуахаршад просто мило улыбнулась ей в ответ.

Уже много-много лет эта взрослая женщина не чувствовала материнской любви, которая была похоронена в самом дальнем и тайном уголке её сердца, но к этой девушке она прониклась как к собственному дитя. Хотя даже кровные племянники не вызывали таких трепетных чувств в душе мудрой ханбике.

— Моё дитя, пойдём, наверное, нас уже ждут.

На этих милых фразах обе зашли в покои хана. Гуахаршад

очень удивилась, когда помимо Джан-Али и слуг в комнате было ещё две девушки, одетые в красивые платья и сидевшие подле хана. Она не выдержала и сказала:

— Что здесь делает Фидан и Фатима?

Эти девушки были наложницами хана, и одна из них была беременна — её животик уже достаточно сильно виднелся, чему очень удивилась Сююм. Это, конечно же, не понравилось ей. Она никак не рассчитывала повстречать беременную наложницу своего будущего мужа.

— Вон! — прикрикнула Гуахаршад и показала рукой на дверь.

— Ты кто такая, чтобы здесь приказывать? Ты более не имеешь власти в этом дворце, Гуахаршад-бике! Все твои полномочия уже давным-давно иссякли. Ты просто тётя хана Казанского ханства.

— Ты сильно заблуждаешься, мой мальчик, — спокойно, но твёрдо ответила Гуахаршад. — Уже многие годы вопросы решаю здесь я. Я не собираюсь становиться пешкой в твоей игре. Имей уважение к своей будущей жене.

Сююм, в растерянности, не знала, что ей делать. Она скромно опустила глаза и уже хотела выйти из покоев, но хан вовремя заметил это и сказал ей садиться за стол.

— Нас ожидает ужин, — произнёс он. — Раз уж собрались трапезничать, я хочу, чтобы за ужином остались Фатима и Фидан. Они являются частью моей семьи. Проведём семейный ужин, — чуть сбавил тон падишах.

— Это неприлично! — возразила Гуахаршад. — Традиции и обычаи, в конце концов, нельзя их нарушать!

— Не забывай, ты больше не решаешь в этих комнатах. Прошу вас, девушки, садитесь.

Фатима и Фидан были очень похожи между собой: русоволосые девушки с достаточно пышными фигурами, кроткие, тихие, как показалось Сююм на первый взгляд.

В итоге Гуахаршад не смогла переубедить Джан-Али, и впятером они сели ужинать, не проронив ни слова. В воздухе висело сильное напряжение, и даже старшая ханбике с её опытом ведения переговоров не знала, как исправить ситуацию. Джан-Али вёл себя слишком вызывающе — как не подобает вести себя человеку его рода и положения. Из всех родственников Джан-Али оказался самым неловким. В нём не чувствовалось врождённого величия правителя — ни во взгляде, ни в осанке, ни в жестах. Неуклюжий, пухлый, курносый. Но внешняя неловкость была не главным его недостатком. Ум его не отличался остротой, а нрав — мягкостью. Суровый и замкнутый, он думал лишь о собственных удовольствиях: все его помыслы вращались вокруг личных благ и праздных развлечений. До нужд других, до государства, до чести рода ему не было никакого дела. Казалось, сама природа ошиблась, наделив этого недалёкого юнца правом носить титул.

Чтобы хоть как-то разрядить обстановку, Сююм спросила: — Я видела многоминаретную мечеть. Слава о её красоте

разошлась далеко за пределы Казанского ханства. Я бы очень хотела туда попасть.

— Я думаю, Джан-Али с удовольствием завтра её тебе покажет, не так ли, мой хан? — обратилась Гуахаршад.

На это хан ответил достаточно резко:

— Я буду занят. А вот тебе не помешало бы отвлечься от дивана и показать нашей Сююм окрестности.

— Хорошо. Как вам будет угодно, повелитель. Завтра мы обязательно посетим мечеть. У нас замечательный мулла — очень уважаемый, знатный человек. Я хочу тебя с ним познакомить. Это Кул-Шариф. Этот мужчина — один из самых почётных людей в нашем городе. Он пишет замечательные стихи, занят в разных науках, обучает имамов. При мечети есть огромная библиотека. Её фонд постоянно пополняется. Знаменитые труды собираются из поколения в поколение. Сам Кул-Шариф и многие знатные горожане пополняют её. Ты же знаешь, что через Казань проходят многие караваны: наш город занимает важное место на торговых путях. Многие караваны, идущие из Азии в Европу или из Европы в Азию, везут разные товары через наши земли. Казанское ханство — мощное, сильное государство. И нам очень важно сохранять мирные отношения с соседями. Торговля с ними приносит высокий доход купцам. А если есть доход у купцов — то и государственные дела развиваются. Наступит новый день, и я обязательно покажу тебе всю красоту этого восхитительного города.

— Я очень хотела бы посмотреть все закоулки нашего дворца. Он тоже очень красив, да? — продолжала Сююм.

— Наступит новый день, и я тебе всё покажу. Боюсь, что у нас не получится всё сделать в один день, но пройдёт время — и ты будешь чувствовать себя здесь как дома, — мягко ответила старшая ханым.

Ужин не был долгим, и Сююм, списав всё на усталость, поспешила покинуть покои хана и вернуться к себе в комнаты. Весь вечер она размышляла и думала о том, какой же муж ей достался. С этим человеком ей предстояло прожить жизнь. Она размышляла, что будет очень сложно завоевать его сердце, потому что чувствовала его презрение и отвращение. Лишь только надежда на то, что в будущем его сердце смягчится к ней и она сможет его полюбить, согревала её душу. Может быть, её родители тоже не полюбили друг друга с первого взгляда, и прошло какое-то время, прежде чем большая любовь объединила их.

Эти мысли мучили её. Отвращение, ненависть, неприязнь — и ни малейшего намёка на симпатию — не вызывал в ней Джан-Али. Сююм легла спать, но сон никак не шёл к ней. Страх в ожидании будущего не давал сомкнуть её глазам. И только Гуахаршад-бике была единственным спасением в этом большом, красивом, но таком холодном для её маленького мира дворце.

На следующий день Гуахаршад, как и обещала, повезла Сююм знакомиться с Кул-Шарифом и его многоминарет-

ной величественной мечетью. Ногайская княжна была просто потрясена. Минареты словно возносились к Всевышнему, красивое убранство стен, росписи золотом и удивительной красоты ковры — всюду. То, о чём говорил Сафа-Гирей, было истинной правдой. Действительно, все самые лучшие материалы для убранства были собраны в этой мечети. Здесь она почувствовала покой и умиротворение.

Вскоре сам Кул-Шариф спустился к гостям, и Гуахаршад представила ему свою невестку.

— Добро пожаловать в Казань, — вежливо сказал имам. — Надеюсь, дорога не очень утомила вас?

— Благодарю вас, вы очень любезны, — ответила Сююм.

— Совсем немного, и вы будете Сююм-ханбике. Это будет подчёркивать ваш статус. Всё ли готово к обряду и свадьбе?

— Конечно, — ответила Гуахаршад. — Я уже давно всем этим занимаюсь.

— Вы что-нибудь увидели в нашем городе? — продолжал расспрашивать гостью имам-сеид.

— К сожалению, ещё нет. Я прибыла в Казань только вчера, но очень надеюсь, что Гуахаршад-ханым обязательно всё покажет.

— К сожалению, я бываю очень занята, — ответила Гуахаршад. — Но я постараюсь найти для тебя сопровождающего, который смог бы показать тебе город.

— Я очень благодарна вам. Вы так заботливо и трепетно относитесь ко мне.

— Что ты, моя дорогая... А у меня есть прекрасная идея. Может, наш имам-сеид найдёт время и более подробно, чем я, сможет рассказать и показать наш город? Да и к тому же я подумывала найти для нашей Сююм-ханымбике учителя.

— О, это большая честь для меня.

Вскоре они отправились в библиотеку, где Кул-Шариф показал девушке огромные полки с книгами.

— Могу ли я приходить и читать эти книги? Я бы очень хотела развиваться и быть образованной! — с воодушевлением воскликнула маленькая ханша.

— Конечно, Сююм-ханбике. Это ваше право — любой житель нашего города может взять книгу из этих хранилищ. Книги здесь собираются для того, чтобы мы помнили историю. Просвещать народ нам велел сам Всевышний, ведь знание — это будущее нашего государства.

Сююм с вдохновением слушала имама, прогуливаясь с ним по библиотеке. Но вскоре они вернулись домой. Проходя по дворцовому саду, укутанному снежным покровом, они увидели, как Джан-Али упражняется в стрельбе из лука. Он явно видел, что тётушка и его невеста вернулись во дворец, но не подал и знака.

— Прошу прощения у вас, Гуахаршад-ханым, но мне кажется, я совсем не приглянулась нашему хану.

— Брось, всё будет хорошо. Джан-Али добрый молодой человек. Пройдёт время — и вы полюбите друг друга.

— Аминь.

Всю следующую неделю во дворце царила суматоха. Готовились к празднику. Слуги по три раза перемывали даже те помещения, куда гости вообще не могли попасть. Привозили мебель, ткани. На кухне закупали продукты и готовили много чак-чака — самого главного лакомства любого татарского стола. Сююм практически не покидала своей комнаты — она читала книги, взятые из библиотеки мечети. Жених ни разу не поинтересовался ею, и она чувствовала себя здесь очень одиноко. Лишь вечерами Гуахаршад звала её к себе в покои и недолго беседовала с ней.

В один из вечеров Гуахаршад поделилась со своей невесткой, что иногда в своих снах видит будущее. Картинки и истории, рождённые в её сознании, часто сбывались.

— А меня вы видели в своих снах? — спросила Сююм.

— Благодаря одному из таких снов ты здесь. Надеюсь, ты будешь счастлива.

— А что вы ещё видели? Расскажите мне, пожалуйста.

— Видела я, что буду править — и это сбылось. Много раз видела, как московский князь Василий собирал своё войско и шёл на Казань, а мы были готовы к этому и всегда отбивали врага. Видела я, что московский царь запретит торговлю с Казанским ханством и от этого сделает хуже себе — так оно и случилось. Конечно, и наши народы пострадали, и купцы своего золота не досчитались. А царь позже опомнился, и потихоньку торговля восстанавливается.

— Как же это интересно — видеть будущее!

— Это очень страшно, Сююм-ханбике. Никогда не знаешь, что тебя ждёт.

— Вы мне расскажете, если беду увидите? Предупредите меня?

— На всё воля Всевышнего.

Наступил день свадьбы. Весь дворец был украшен к приходу высокородных гостей. Собралась вся знать: высокопоставленные чиновники, эмиры, имамы, хакимы, кадии, купцы. Многие приехали с жёнами и детьми. Были и гости из волостей, слобод и деревень Казанского ханства и их соседей.

Праздничные столы для мужчин и женщин накрыли в разных залах. Столы ломились от яств. Было зарезано более пятисот барашков. Беднякам города раздавали золотые монеты. Все веселились и были счастливы. Лишь невеста не знала счастья от такого торжества. Её восхитительный наряд никоим образом не отражал её настроения. Платье красного цвета с великолепными золотыми узорами, украшенное жемчугом, остроконечная шапка с мелкими жемчужинами и крупным рубином на конце, тонкая красная расписная вуаль, изящные красные сапожки с вышитым тюльпаном — подарок Гуахаршад. Многие и подумать не могли о такой роскоши, единицы мечтали о подобном торжестве, но невеста была самой мрачной на этом празднике. Её мысли вернулись в родную степь, где прошло её детство, где вольный ветер скользил по лицу, где не было преград и жестоких правил, где не было боли и обид.

День казался нескончаемым. Вот уже провели обряд, и Сююм стала законной ханбике Казанского ханства. Звучали танцы, музыка, царило веселье. Но всё это было не для неё. Она мечтала о том, чтобы спокойно сидеть в своих покоях, читать или предаваться воспоминаниям, чтобы никому во дворце не было до неё дела, и лишь перед сном добрая Гуахаршад позвала бы её к себе и рассказала что-то новое и интересное.

Размышления Сююм прервали служанки: они попросили её пройти в баню, освежиться, переодеться и отправиться в ханские покои. Для первой брачной ночи для Сююм был подобран роскошный наряд. Традиционное многослойное платье нежно-алого цвета, пуговицы и кружева — всё было сшито так, чтобы внести интригу и покорить сердце жениха в самую романтическую ночь молодожёнов. Сююм смотрела в зеркало. Красивая, женственная девушка с испуганным взглядом и молящими глазами отразилась в нём. Страх, безнадёжность и безысходность отчётливо читались в её глазах.

В комнату зашла Гуахаршад.

— Ты готова, моё дитя?

— Да. Уже пора?

— Пора. Твой муж с нетерпением ждёт тебя.

Сююм подошла к тётушке, поцеловала подол платья, руку, поклонилась — и на глаза навернулись слёзы.

— Ну, довольно. Не нужно тебе слёзы лить. Я хочу, чтобы ты была счастлива! — обняла её Гуахаршад, приоткрыла

вуаль. — Я буду молиться за тебя, Сююм-ханым.

Сююм вышла из покоев и в сопровождении свиты служанок отправилась к повелителю.

Путь по коридорам Казанского дворца показался Сююм очень коротким, и очень скоро она предстала перед дверью своего новоиспечённого мужа. Колени её дрожали, сердце билось так сильно, что вот-вот выскочит из груди. Она старалась сдерживать дыхание и не подавать виду, что переполнена волнением. В это время страж ханских покоев три раза ударил в дверь и произнёс её имя. Стражи распахнули двери, и ханша медленно вошла в комнату, покорно опустив голову, закрытую нежной вуалью.

Справа от двери стоял диван, на котором едва сидел Джан-Али. В руке он держал графин и отпивал из него. Сююм сразу поняла: муж пьян. Он сидел с поникшей головой, пытался что-то сказать, но язык его заплетался, и разобрать слова было почти невозможно. Набравшись храбрости, юная госпожа тихо произнесла:

— Я пожаловала в ваши покои.

— Ты, — еле разборчиво ответил ей хан. — Да кому ты здесь нужна? Я и так сегодня весел как никогда. А ты можешь передать своей покровительнице, что в наложнице вроде тебя я вовсе не нуждаюсь и могу сам выбрать себе женщину на ночь.

Он встал с дивана и, шатаясь, подошёл к своей невесте, сделав ещё пару глотков из кувшина. Затем, не глядя на неё,

повернулся и побрёл к кровати, на которую просто рухнул и захрапел.

Сююм стояла с опущенной головой, сдерживая слёзы. Муж дважды умудрился оскорбить её в эту ночь. Первая брачная ночь должна была приоткрыть дверь в райский сад для молодожёнов, а вместо этого она стояла посреди покоев униженная и оскорблённая. Прошло время. Хан так и валялся животом вниз на кровати, красное вино расплывалось по покрывалу. Сююм долго решала, что же ей делать.

«Это будет настоящий позор, если кто-то узнает о случившемся, — рассуждала она. — Все будут шептаться, перешёптываться за моей спиной... Не будет этого. Муж настолько пьян, что вряд ли вспомнит эту ночь».

Она сняла калфак и вуаль и принялась раздевать мужа. Впервые она увидела обнажённое тело мужчины. Багровый румянец покрыл её щёки, но времени для смущения и стеснения у неё не было. С трудом она затащила его выше на подушки. В кувшине ещё оставалось немного вина, и она пролила его на простынь, подумав, что следует испачкать постель во избежание пересудов. Красные пятна появились на том месте, где должна была бы спать сегодня невеста. В подтверждение своего плана, что брачная ночь состоялась, Сююм решила снять нижний слой своего платья и положила его на край постели.

Мысли юной девушки, испуганной как загнанный кролик, могли думать только об этой ночи — она совсем не задума-

лась о том, что будет дальше. Может, раз Джан-Али не захотел её в эту ночь, он и не захочет её в дальнейшей жизни. У него уже есть беременная наложница и ещё одна любимая фаворитка, коих он даже имел наглости пригласить на званый обед в её честь при их первом ужине.

Исполнив свой хитроумный план и оставшись довольной собой, Сююм присела на диван, смотря на спящего хана, и стала ожидать рассвета, чтобы покинуть покои повелителя с гордой головой. Ночь была очень долгой, а она боялась сомкнуть глаза — вдруг муж проснётся. В голове уже не осталось мыслей, и лишь тоска по дому печалила её. Почему же судьба так не благосклонна к ней? Подарив замечательное детство, швырнула её в водоворот неприязни и оскорблений в чужом краю от собственного супруга.

Изредка она вспоминала образ Сафа-Гирея, чей лик никак не исчезал из её памяти. Что было бы сейчас, если бы на месте её мужа оказался этот красавец? Наверное, тогда Сююм была бы очень счастлива и ночь провела бы, как и подобает молодой жене, в объятиях страстного мужа, вкушая все неистовые плоды любви законного брака.

Наутро, когда солнечные лучи озарили комнаты повелителя и за окном слышались первые звуки нового дня, Сююм отправилась в свои покои. Уставшая от бессонной ночи, она скинула с себя нарядные кружевные одежды, надела привычную рубаху, забралась под тёплое одеяло и сладко заснула.

Джан-Али проснулся от сильной головной боли. Едва от-

крывая глаза, он не сразу вспомнил о вчерашнем дне. А когда опомнился, начал оглядывать комнату, ища свою молодую жену. Девушки нигде не было, и с облегчением он решил попить воды, поскольку испытывал сильную жажду. Сююм очень раздражала хана: он считал её шпионкой своей регентши, которая не позволит ему полноценно сесть на трон, к чему он так стремился.

Правителя учили разным наукам, но сам он не имел особого рвения к учёбе — стрельба из лука или скачки на лошадях нравились ему куда больше. Как и многие ханы, он рос достаточно избалованным ребёнком, практически ни в чём не зная отказа. Да и сама Гуахаршад всё время своего регентства продолжала баловать племянника: то вкусными блюдами и ароматными напитками, то красивыми рабынями в его покоях. Несмотря на свой юный возраст, у хана уже было много наложниц, большинство из которых лишь раз проходили по золотому пути. Испробовав невинность девушки на вкус, он требовал к себе лишь девственниц, пока в один из дней в его покои не попала Фидан.

Фидан и её сестра Фатима были куплены на рынке, куда попали в качестве пленниц, привезённых с земель Московского княжества. Мария и Агрипина — так называли их родители — росли в деревне в крестьянской семье. С детства они трудились в поле и не понаслышке знали все прелести тяжёлой деревенской жизни. Девочки были очень похожи между собой, настоящие белокурые красавицы, чем и привлекли

внимание главного евнуха, который выбирал новых наложниц. Девушки очень быстро поняли, что к чему в гареме, и решили во что бы то ни стало влюбить в себя повелителя и не давать никому возможности вступать на золотой путь. Очень скоро им это удалось, и Джан-Али начал приглашать в свои покои только двух фавориток, одна из которых вскоре забеременела. Пышные формы, красота и искусное поведение наложниц вскружили ему голову, и даже страсть к невинности больше не приходила ему в голову. К тому же они были достаточно умны и устраивали различные интриги, чтобы не подпускать новых рабынь к хану.

Джан-Али откинул одеяло и увидел розовые следы на простыне на уровне своих чресел.

— Значит, я выполнил свой супружеский долг, — пробормотал он с облегчением. — Хорошо, что я ничего не помню. Пусть эта Сююм более не входит в мои покои. А Гуахаршад насладится своей победой — женила меня, и более не будет стоять у меня на пути.

Он крикнул слуге, чтобы тот убрал в покаях и принёс ему немного вина — унять головную боль.

Одна из рабынь, убиравшая в комнате, была верной служанкой Гуахаршад. Она заметила следы на постели и, когда уборка закончилась, поспешила к своей госпоже рассказать об увиденном. Вскоре весь гарем шептался: жена хана была невинной, и теперь не только Фатима и Фидан будут посещать хана в покаях.

После полудня Гуахаршад отправилась к Сююм.

— Ты ещё спишь? — сказала она, присаживаясь на кровать. — Не пристало ханше спать в такое время, но я понимаю: мой племянник, наверно, всю ночь не давал тебе сомкнуть глаз.

В её голосе слышалась ласковая, но лёгкая ирония. Сююм испугалась, но, увидев положительный настрой наставницы, успокоилась и поняла: её коварный план сработал.

«О Всевышний, никто не заметил, что ночью я просто просидела в комнате супруга!» — думала она. Ей самой было очень неловко, но обратного пути уже не было.

— У меня для тебя есть подарок, — сказала регентша, протягивая красивую шкатулку. — Я хочу подарить тебе это кольцо. Ты теперь принадлежишь нашей великой династии. Пусть кольцо радуется тебе и подчёркивает твою красоту. Я очень рада за тебя, моя девочка.

От этих слов у Сююм защемило сердце. Она видела, с какой любовью и теплотой ханум относится к ней, а сама обманула всех во дворце.

— Благодарю вас, моя госпожа. Мне очень приятно, что вы так беспокоитесь обо мне.

Гуахаршад обняла Сююм и поцеловала в лоб. Она прониклась к этой девочке самыми мягкими и нежными чувствами, понимая, что ввязала столь невинное создание во взрослую жизнь, где не будет пощады. Жизнь её отныне будет сопровождаться интригами, и без жёсткого, стойкого ха-

рактера выжить в суровой реальности дворцовой жизни будет очень сложно.

— Сегодня я разрешу тебе поваляться в постели, — сказала Гуахаршад, — но это в первый и последний раз. Завтра ты начнёшь обучение. Я буду рассказывать и показывать тебе, как устроена жизнь в нашем ханстве. Ты должна стать верной и достойной спутницей нашему хану.

Она встала, погладила девушку по волосам и направилась к выходу.

— Да, чуть не забыла: вечером будет праздник в гареме. Музыка, танцы, много вкусного чак-чака и ароматного розового чая. Я пришлю за тобой.

Сююм осталась одна в своих роскошных покоях. Солнечный свет проникал в комнату, словно стремился пробудить юную красавицу. Его лучи, подобно дороге в новую золотую жизнь, манили её покинуть ложе и взглянуть за окно, где большие сугробы постепенно таяли в весенней сказке природы. Весёлый щебет птиц ласкал слух, воздух был наполнен неопишуемой свежестью и благоуханием пробуждающейся природы.

Весь день она провела в своих покоях, наблюдая за чудесным приходом весны. Когда солнце начало клониться к закату, к ней пришли служанки и помогли принарядиться. Сююм никак не могла определиться с нарядом и причёской, поэтому времени потребовалось больше, чем изначально предполагала Гуахаршад. Хоть и с опозданием, но служанки всё же

проводили молодую жену в главный зал гарема.

Там царило веселье. Играла музыка, девушки танцевали, раздавался смех. Хан сидел на троне, а возле него расположились Гуахаршад с одной стороны, а с другой — Фатима и Фидан. Настроение у всех было хорошее — пока Сююм не подошла к мужу. Как и положено, она встала на колени и поцеловала подол камзола повелителя.

Лицо хана тут же изменилось. Ещё совсем молодой и неопытный, он не знал, как себя вести. С одной стороны, жена была ему крайне неприятна. Он подозревал её в связи с регентшей и считал, что этот брак свяжет ему руки, не позволив стать единоличным правителем Казанского ханства. С другой — он понимал: теперь она его жена. И даже если ему не хочется делить с ней ложе или просто говорить, на людях и при прислуге терпеть её придётся — так же, как он терпит свою тётку, понимая, насколько глубоко та увязла в политической игре.

— Садись, жена, — улыбнулся он и сделал ещё один глоток вина. — Что-то ты опаздываешь. Праздник в самом разгаре.

— Простите, повелитель, я немного задержалась, — ответила Сююм и присела рядом с Гуахаршад.

Регентша, наблюдавшая за молодыми, не заметила холодности в их отношениях, списав всё на юный возраст и природное стеснение новобрачных. Вечер был спокойным и весёлым: все мирно беседовали и шутили. Но за этим умиро-

творением Фатима разглядела угрозу своему благополучию. Чтобы обратить внимание повелителя на себя, она начала инсценировать шевеление ребёнка и неудобство позы.

Джан-Али, уже немного охмелевший, призвал её к себе на трон, где она и провела остаток вечера — что нарушило все традиции казанского гарема. Гуахаршад, конечно же, заметила столь вызывающий поступок, но не стала портить всем праздник, решив отругать наложницу за наглость после торжества. Однако сделать этого не удалось: ту ночь Фатима провела в покоях хана, упиваясь его любовью.

Утром старшая ханбике отправилась к повелителю, решив навести порядок в гареме. В дверях она столкнулась с беременной наложницей, которая выходила из покоев. Та лукаво поклонилась ханбике и отправилась в свою комнату. Гуахаршад понимала, что ночь Джан-Али провёл в объятиях наложницы, а не молодой жены, и увидев Фатиму, просто пришла в ярость.

— Тебе следует более уважительно относиться к своей жене, племянник! — жёстким голосом, входя в комнату, сказала ханбике. — Ты только вчера женился, а ночи проводишь с наложницами. Тебе очень важно сейчас родить наследника от жены. Он будет благородной крови и породнит нас с Ногайским ханством. Неужели ты этого не понимаешь? — разъярённо высказывалась она, поднимая палец вверх.

Джан-Али, не выдержав напора наставлений тёти, схватил её за запястье и раздражённо ответил:

— Ты более не регент мне. Я вырос и сам могу решить, кто будет спать в моей постели. Это то место, куда твой нос более не залезет. — Он отдёргнул руку и развернулся.

— Есть традиции! И ты не простой мурза, — не унималась Гуахаршад. — Ты хан большого сильного государства. От твоих решений зависит жизнь огромного числа людей. Ты не сможешь навести порядок в государстве, если не наведёшь порядок в гареме.

— Это не твоего ума дело! — повысил голос хан. — Отныне я не позволяю тебе вмешиваться в мои дела. Мои женщины — не твоя забота. А если ты не утомонишься, я вышлю тебя из дворца.

— Хорошо, — сдержанно ответила Гуахаршад. — Но помни: жена твоя не простая рабыня, а дочь знатного ногайского бия. В твоих интересах сделать её счастливой. Если она будет лить слёзы, это вряд ли понравится её отцу и братьям.

— Не забывай, что именно ты подсунула мне её, — усмехнулся Джан-Али. — Она ещё слишком молода. Да и совсем не в моём вкусе.

— О чём ты, Джан-Али? Твоя жена — эталон красоты.

— Ну, это на твой вкус. А вообще, я думаю, ты просто мстишь мне. Раз сама семьи и детей не имеешь, хочешь отыграться на мне. Хоть ты и была замужем за Ширином, детей так и не родила — и сама же своего мужа на плаху привела. А теперь просто злишься и мстишь всем вокруг.

Слова племянника очень ранили ханбике. Её молодость и замужество хранили огромную тайну и рану на сердце, о которой она не могла никому рассказать. Свидетелей той страшной истории уже почти не осталось. Словно кинжал в самое сердце воткнул Джан-Али — настолько болезненными оказались его слова для ханум. Скупая слеза появилась на щеке женщины. Многое она могла пережить и вытерпеть, но воспоминания юности всегда печалили её. Властная, сильная, целеустремлённая, всегда знающая свою цель — она оказывалась беспомощной перед своими воспоминаниями. Даже по прошествии стольких лет боль не утихла в её сердце.

Видя, как изменилось выражение лица ханбике, Джан-Али понял, что сильно задел её, но продолжил лить яд на кровоточащую рану, хотя и не догадывался, в чём же секрет такой перемены в настроении тётки.

— Я точно знаю, как ты ненавидишь меня, — продолжал он. — Ты стала регентом лишь для того, чтобы добраться до власти. Ты наслаждаешься своим могуществом. Я положу конец твоей гордыне. Лишь я один — правитель в этом ханстве.

— Как вам будет угодно, повелитель, — с сарказмом ответила Гуахаршад. — Но я буду ждать, когда вы попросите меня о помощи в государственных делах.

Она покорно поклонилась и отправилась к себе, понимая: ни духу, ни знаний, ни терпения у Джан-Али не хватит, что-

бы управлять ханством. Много размышляя, она решила не вмешиваться в жизнь родственника — по крайней мере, до тех пор, пока тот сам не осознает, что без неё ему не справиться. «Дело молодое, — подумала она, — само собой решится. Лишь время сейчас будет нам помощником».

У Сююм началась новая жизнь во дворце. Гуахаршад позаботилась об учителях, которые ежедневно давали уроки. Раз в неделю Сююм обязательно посещала многоминаретную мечеть и подолгу беседовала с Кул-Шарифом на самые разные темы. И конечно же, она была частой гостьей самой большой библиотеки в Казани.

Гуахаршад всегда брала свою юную подопечную в город, когда прогуливалась по улицам или рынку, рассказывала о некоторых делах и политической обстановке. В отличие от многих мусульманских стран, женщины в Казанском ханстве не носили чадру, полностью скрывавшую их от посторонних взглядов. Эту традицию завела ещё Нур-Султан — мать Гуахаршад, показывая стойкость, целеустремлённость и властность женщин в правящей династии Казанского ханства. Подражая правителям, женщины тоже становились более раскрепощёнными, но всё же покрытая голова, длинный рукав и длинный подол платья оставались безусловным атрибутом любой женщины.

По натуре Сююм была очень наблюдательной и доброй. Её сердце всегда трогали беды простых людей, которым она стремилась помочь. Во время прогулок по Казани она все-

гда старалась посмотреть, как живут простые люди. Если Гуахаршад, прогуливаясь по городу, ставила для себя цель узнать настроение народа, его пересуды, настрой и благосостояние населения, то Сююм помимо эстетического удовольствия от архитектуры города всегда наблюдала за беспризорными детьми и нищими.

Буквально спустя две недели после свадьбы, во время прогулки по городу, госпожи стали свидетелями очень неприятного случая. Несмотря на то что весна вступала в свои права и небо восхищало своей синевой всех горожан, воздух был ещё очень холодным — так что даже щёки мёрзли. Гуахаршад и Сююм решили пройти пешком до базара. По обе стороны улицы раскинулись бревенчатые дома с чудесными расписными ставнями. У многих имелись пристрои, откуда велась торговля для знатного населения, или чайханы, где мужчины за чашкой чая обсуждали насущные дела.

Из одного дома вышла роскошно одетая женщина в тёплой красивой шубке с собольим воротником. Уже совсем не молодая, она показывала свой лоск. А за ней шла женщина лет тридцати пяти, закутанная в потёртые шали, заплаканная, взывающая к милости и помощи своей старшей госпожи.

— Халим-ханым, умоляю вас, не выгоняйте меня! Как же я буду жить? — взывала она.

— Да ты уже не молода, да ещё и с животом. Больше месяца от тебя толку нет. А родишь — куда я твой приплод дену?

Почему так долго скрывала? — ответила роскошная дама. — Идём на базар. Али сейчас быстро решит твою проблему.

— Это невинное дитя! Я должна дать жизнь хотя бы одному ребёнку! Али не пощадит меня — избавит от дитя и продаст на тяжёлые работы. Я долго не проживу. Я столько лет работала у вас! Сколько мужчин оставались довольными, сколько золотых монет оставляли! Были и те, кто бил, и что только не вытворяли — я всё покорно терпела. Неужели за столько лет я не заслужила и капли сострадания и сочувствия? — упав на колени, взмолилась она.

Женщины, хоть и не кричали, но их разговор отчётливо слышали ханши, которые были одеты в простую одежду, отчего прохожие не заметили среди них великих господ. Сююм от ужаса услышанного взглянула на старшую ханым.

— Мы обязаны вмешаться! Эта бедная женщина сейчас замёрзнет и вообще потеряет ребёнка.

Юную ханбике очень взволновала увиденная картина.

— Мы не можем вмешиваться, дорогая, — с отвращением сказала Гуахаршад. — Это падшая женщина.

— Как это? — удивлённо спросила Сююм. — Все мы рабы Всевышнего. Каждый заслуживает прощения и помощи.

— Это Халим-ханым, владелица дома терпимости, куда наведываются важные чины нашего города. Как бы я ни хотела прикрыть этот дом мерзости и разврата, ничего поделать не могу. Низменное начало мужчин протаптывает дорогу к греху. Я долго боролась с этими домами и нашла compro-

мисс: оставить всего два и не более ста работниц. Все они из числа рабынь, купленных на базаре. В основном это пленницы с русских земель, — с сожалением ответила Гуахаршад.

— Я хочу купить эту женщину себе в рабыни! — воскликнула Сююм.

В этот момент Халим-ханым потянула женщину за рукав. Та стояла на коленях, моля свою госпожу, и не хотела вставать, но от напора хозяйки пошатнулась, поскользнулась и с силой упала на живот. В то же мгновение вокруг женщины образовалась лужа с примесью крови. От боли и отчаяния она взвыла, издав дикий крик.

— Вставай, Альбина, вставай! — крикнула ей хозяйка.

Но рабыня, словно испуганный и раненый котёнок, лежала на холодной земле, плача и издавая стоны от боли. Сююм не смогла вынести этого ужасного зрелища и бросилась на помощь женщине, лежавшей в луже крови. Она подала ей руку и велела стражам отвезти её во дворец.

— Сколько стоит ваша рабыня? — спросила она Халим-ханым неодобрительным тоном.

— Как вы смеете?! — возмутилась та. — Люди! Что за произвол?! Я буду жаловаться!

— Не стоит раздувать скандал, ханым, — произнёс начальник стражи Гуахаршад, подходя к ней справа и беря за руку.

Владелица непристойного заведения сразу же замолчала, понимая: непростые люди заинтересовались её рабыней, и

лишние проблемы ей ни к чему. Ей и так стоило больших усилий добиться разрешения на работу своего дома. Только подкупом влиятельных вельмож — частых посетителей её заведения — она смогла получить возможность и дальше получать большой доход. Сама она никогда не была во дворце, и поэтому не видела в глаза регентшу, и сейчас её просто не узнала.

Начальник стражи дал Халим-ханым мешок монет и спросил:

— Довольно?

От испуга Халим не могла проронить ни слова и лишь кивнула.

Тем временем Сююм и Гуахаршад уже направились к своей карете, вслед за несчастной рабыней. Старшая ханым очень рассердилась на Сююм.

— Девочка, что ты творишь? Разве можно встречать в такие дела? Если нас кто-то узнает — что за пересуды потом пойдут по городу? Ещё распутниц нам в гареме не хватало! — возмущённо, шёпотом, молвила старшая ханбике.

— Я всё понимаю, но совесть моя не позволила мне остаться безучастной, — возразила Сююм.

— Жизнь очень несправедлива. Среди этих улиц много обездоленных людей, детей и стариков. Мы при всём желании не сможем всем им помочь. В праздники мы раздаём еду и по возможности пристраиваем детей, но так всегда было и будет.

— Я бы хотела изменить мир, чтобы никто не мёрз и все были сыты. Рабы — чем они хуже нас?

— Ты задаёшь интересный вопрос, но такова их судьба. Ты родилась с благородной кровью. Ты — будущее этого города, важное звено. Родишь нового хана, который будет после тебя управлять государством. А у него будет свой сын, что позже тоже сядет на трон. Без хана это государство не может существовать. Хан и его ближайшее окружение найдут способ организовать жизнь многих людей, сделать её лучше. Будут завоёваны новые земли, построены новые дома, мечети, медресе, будет развиваться наука, медицина, культура и искусство. Но чтобы этого достичь, надо закрывать глаза на некоторые вещи.

— Вы правы, моя госпожа, — расстроено глядя на окровавленную, ледяную брусчатку, сказала Сююм. — Но когда людское горе так рядом и я знаю, что могу сделать этот мир чуточку лучше, я сделаю всё на свете, чтобы помочь.

К этому моменту они дошли до кареты, где уже лежала рабыня, и быстро отправились во дворец.

К сожалению, малыш не выжил. Его, уже мёртвого, пришлось извлечь из женщины. Альбина несколько дней не приходила в сознание, а очнувшись и узнав о гибели дочери, совсем замкнулась. Она молчала и только плакала, лёжа в лазарете гарема. Никто из слуг и наложниц не знал, какую женщину привезли госпожи в тот день, и терялся в догадках. Страже было велено молчать под страхом смертной казни.

Сююм уговорила свою покровительницу оставить рабыню во дворце и после выздоровления взять её к себе в услужение. Но, увидев, насколько милосердна и добра новая ханша, Гуахаршад решила на время приостановить прогулки Сююм по городу и запретила ей покидать дворец без надобности. Лишь мечеть и прилегающая к ней библиотека остались местами, где могла бывать молодая госпожа.

Шло время. Альбина поправилась, и Сююм поселила её в комнате для служанок, смежной с её собственной. До этого там никто не жил — юная бике изначально отказалась от личной прислуги. Теперь же, спустя более двух месяцев пребывания в гареме, у неё всё же появилась служанка. Альбина хатун была очень кроткой и ничего не говорила. Не улыбалась и вообще не проявляла практически никаких эмоций. Сююм решила не беспокоить её и дать время пережить горе, которое обрушилось на женщину. За что Альбина была очень благодарна маленькой госпоже и старалась угодить ей. Но большую часть дня всё равно сидела в своей маленькой комнате и часами смотрела на свой медальон. Каждое утро она приносила госпоже кувшин с чистой водой и помогала девушке умываться. Потом Сююм всегда подходила к окну и рассматривала, как расцветают тысячи тюльпанов в дворцовом саду.

Почти каждое утро Сююм видела, как Гуахаршад в сопровождении верных слуг спешно проходит мимо её окон, совсем не обращая ни на кого внимания. Ей стало очень ин-

тересно, куда же так торопится её покровительница. И вот в один из дней Сююм решила прогуляться утром и посмотреть, куда же она так спешит.

Она проснулась пораньше и спустилась в сад, спрятавшись за куст сирени, ещё не набравшей цвет. Погода стояла замечательная. Солнце тёплыми лучами хорошо прогрело воздух, аромат тюльпанов и только распускающейся черёмухи заполнил весь сад. Яркие краски весны радовали глаза, и настроение от этой свежести и красоты было просто великолепным. А ещё шпионские тайны очень интриговали молодую ханбике.

Как обычно, Гуахаршад спешно направлялась вдоль дворца, завернула за угол и исчезла в кустах. Сююм не могла понять, куда же она делась, и решила осмотреть заросли, в которых скрылась старшая бике.

За высокими кустами и деревьями стояла стена высотой больше одного этажа, в которой виднелся небольшой проём с дверью. Из-за густых зарослей это место было совсем не видно — Сююм ни разу не замечала его, хотя прогуливалась здесь почти каждый день. Любопытство пересилило, и она тихонько шагнула в проём, увидев очень странную картину.

Перед ней раскинулся маленький дворик, окружённый с трёх сторон глухими стенами, в том числе и деревянной стеной самой Казани, под которыми росли низкие, хорошо подстриженные ещё с прошлого года кусты. С четвёртой стороны находились маленький балкончик и два окна какой-то

комнаты — скорее всего, это были чьи-то покои в гареме, и на втором этаже дворца в этом месте окон не было. Много клумб, ухоженных, но ещё не полностью набравших зелень, радовали глаз. В центре двора стояла красивая кованая скамейка, на которой сидела Гуахаршад, а перед ней под изящным навесом виднелись две могильные плиты.

— Вам нельзя сюда, хатун, — остановил её стражник.

На звук голоса ханбике, погружённая в свои мысли, тут же повернулась в сторону прохода.

— Пусти её ко мне, — велела она стражнику.

Сююм почувствовала стеснение, понимая, что вторглась в личные чувства наставницы.

«И что же я такая любопытная», — думала она, продвигаясь по вымощенной дорожке, окружённой цветниками, навстречу старшей бике.

— Ты нашла главную тайну моей жизни, Сююм, — вздыхая, прошептала Гуахаршад. — Лишь несколько человек знают об этом месте.

— Я столько раз проходила мимо, но никогда не видела этого замечательного сада.

— Значит, мне удалось скрыть от посторонних глаз свой рай и ад на земле, — печально произнесла ханша.

В её голосе чувствовалась сильная боль. И несмотря на то что надгробья были уже не свежими — а значит, прошёл не один год с тех трагических событий, память о которых так бережно охраняла бике, — боль не утихала.

— Наверное, пришло время мне исповедоваться, — продолжила она. — Я столько лет тащу груз этой боли в себе, и не было в моей жизни человека, кому я могла бы доверить тайну моего сердца.

Слёзы заполнили глаза ханши, голос задрожал. Она начала свой рассказ, а Сююм смиренно сидела и слушала, рассматривая изящно украшенные камни перед собой.

— Я была очень юной и глупой девчонкой с массой амбиций и обид на свою мать. Мама была великой ханшей — сначала здесь, в Казани, а потом и в Крыму. Она боготворила своих сыновей, и мне всегда казалось, что я остаюсь в тени её чувств. Любви и заботы на меня ей просто не хватало. По крайней мере, мне так казалось. Я росла избалованной девчонкой, имела лучшие украшения, наряды. Мне готовили и подавали любые блюда, какие я только пожелаю. Я жила в безмятежности, в красивых покоях, окружённая поистине прекрасными, романтичными пейзажами Бахчисарая. Строптивая, с постоянно меняющимся настроением, я тогда презирала весь мир.

Но когда мне исполнилось семнадцать, неожиданно мать решила сосватать меня. Я ждала большой, страстной любви, мечтала о молодом, красивом, статном муже, а мать и мой отчим — крымский хан — выбрали мне в мужья одного из старых тучных визирей. Его связи и положение были очень выгодны для политики ханства, и меня решили отдать ему в жёны, чтобы посадить на короткий поводок. Я сильно со-

противлялась, ругалась, и было решено отправить меня на время к брату Абдул-Латифу в Казань. Он только взошёл на престол, и нахождение родни рядом было ему очень кстати в тот момент, как объяснили моему жениху, и отложили помолвку. Для моей охраны во время пути были наняты воины во главе с их начальником — Тахиром.

Мой Тахир был высоким, широким в плечах, сильным и мужественным. Я сразу же обратила на него внимание: его красивые черты лица, голос и речи не были похожи на тех слуг и охранников, что меня окружали. Но гордыня и нрав управляли мной. Как наследница великого хана Ибрагима, я не могла даже подумать о разговоре с простолюдином. Статус и моё положение делали меня высокомерной, не спускающей взор до прислуги. Но кроткие взгляды с начальником моих телохранителей будоражили моё сердце. Я не показывала этого, не понимая, что так привлекло меня в нём. От невинных прикосновений, когда он подавал мне руку при выходе из кареты, тело моё покрывалось мурашками. Чувства эти были незнакомы для меня, а я продолжала вести себя словно Чёрное море: то бурлила лавинными волнами, придираясь к каждому слову и жесту, то была спокойной, как водная гладь бескрайних вод перед закатом. Я чувствовала, что его взгляд не был похож на взгляд простого телохранителя — в его глазах я читала безусловный интерес к своей особе, и мне это было очень лестно. Там, во дворце, возле матери, я всегда терялась в её тени. Хоть и возрастом я

была намного младше, но Всевышний не наградил меня той же красотой и изяществом фигуры. Люди шептались, как у столь восхитительной женщины родилась дочь, так похожая на плебейку. Эти слухи не раз доносились до моих ушей и ожесточали моё сердце, закрадывая обиду на себя и на весь мир.

Во время следования в Казань мы остановились возле родника, чтобы набрать воды и немного отдохнуть. Я собирала цветы, велев няньке и прислужницам оставить меня, пообещав, что буду гулять только возле нашего небольшого лагеря. Но это была бы не я, если бы гуляла только возле каравана. Я отошла чуть дальше, к кустам. Краем глаза наблюдала за Тахиром, который пристально смотрел на меня, и решила подзадорить его — скрылась в траве. Он тут же вскочил на лошадь и пришпорил её. В мгновение он оказался возле меня. От неожиданности, что лошадь несётся на меня, я упала на землю. Мой верный охранник тут же спрыгнул с лошади и подхватил меня на руки. Впервые я почувствовала биение его сердца, сильные объятия, мужской запах его одежды. Всё это вскружило мне голову — я не могла, а точнее не хотела ничего говорить. Всегда строптивая и упрямая, я просто доверилась ему и молила время остановиться. Настолько мне были приятны его объятия, полные нежности и заботы. Он спрашивал, где я ударилась, но я просто молчала, смотря в его бездонные глаза, полные тревоги обо мне. Более он не давал мне никуда отходить и всегда следовал за мной по пя-

там. Частенько я игриво дразнила его, а он покорно терпел все мои выходки.

Через несколько дней мы остановились на окраине одного селения. Хозяин был богатым купцом и с удовольствием приютил ханскую свиту. Днём следующего дня в этом доме было намечено торжество по случаю никаха старшей дочери. Мне очень захотелось остаться на праздник, а семья невесты была очень счастлива, что великая ханбике осчастливит своим присутствием такой великолепный день. Праздник был поистине на славу: все веселились, кушали вкусные блюда и пили вина. Тайком от своей нянюшки я тоже выпила пару кубков. Голова моя закружилась, тепло разлилось по всему телу, и так захотелось вдохнуть чистого воздуха. Я вышла из трапезной, велев няньке остаться, а она, побоявшись, что со мной приключится беда, отправила следом Тахира.

Он нашёл меня недалеко от дома купца, сидящей на свежей траве. Просил вернуться в дом, а услышав мой категоричный отказ, просто присел рядом. Вино раскрепостило меня, я легла ему на плечо, а затем начала расспрашивать о своей красоте. Конечно же, он отвечал, что я очень красива. Я попросила его поцеловать меня, на что услышала в ответ, что я не для него, что я — жар-птица, высоко парящая в облаках, а он лишь муравей, наблюдающий, как великолепное создание парит под небесами. Покорённая такими тёплыми и ласковыми словами, обессиленная вином, я прикоснулась ладонью к его щеке и прильнула к его губам. Страстный по-

рыв охватил нас обоих. Многое преодолел в себе Тахир в тот день, опрокинув меня на землю. Его нежные поцелуи ласкали меня, рука скользила по изгибам тела, натываясь на бу-синки платья. Наши объятия нарушил голос юноши, звавшего отца. Это отрезвило нас и заставило мгновенно подняться с земли. Это был Талгат — младший брат моего возлюбленного. Юноша примерно моего возраста, при рождении потерявший мать. Их отец отдал его на воспитание деду по материнской линии к дервишам. Все эти годы, в перерывах между заданиями по службе, он приезжал к своему маленькому брату и отдавал все деньги, что удавалось скопить в походах. Мальчик очень любил его, хоть всю жизнь и провёл среди книг и благочестивых мусульман. Но кровь разыграла в нём, и он попросил брата отправиться с ним сопровождать ханский караван. Брат не стал спорить, решив, что Талгату уже пора строить свою собственную жизнь, а не жизнь навязанную ему их отцом. Но с этого дня Тахир старался держаться подальше от меня. А я, вкусив сладость его поцелуев, хотела быть только с ним. Привыкшая всего добиваться, далее в пути я подстроила такую ситуацию, что мы остались с ним наедине возле родника во время привала. Он сразу извинился передо мной за свой порыв и сказал, что более не повторит такой ошибки.

Отвергнутая, я почти не выходила из своей кареты. А уже почти под Казанью нас настиг гонец от моей матери Нур-Султан, который сообщил мне о смерти моего крымского

жениха. Словно камень свалился с моих плеч. Эта новость немного прибавила мне настроения, но обида на своего телохранителя и негодование от того, что меня отверг даже слуга, сильно злили и печалили меня.

Наконец Казань предстала перед нами. Мой брат Абдул-Латиф встречал меня со всеми почестями и выделил мне роскошные покои. Три дня длился пир по случаю моего приезда. Были приглашены многие вельможи и, конечно же, глава дивана улу-карачи Кель-Ахмет — седовласый, хитрый старик, хорошо сохранившийся для своих лет, ещё сильный и ухоженный. Узнав о смерти моего жениха-визиря, он предложил моему брату выдать меня замуж за своего сына Булата Ширина. Сын был очень похож на своего высокородного отца — такой же высокий и могучий, образованный мужчина. Но мысль о замужестве была мне противна, ведь я и помыслить не могла ни о ком, кроме Тахира. Брату я сообщила, что не намерена выходить замуж, но он ответил, что в этом вопросе моё мнение не нужно — мать дала ему все полномочия для решения этого дела.

Несколько дней я ходила чернее тучи, и брат, видя мои переживания, предложил мне отправиться на пикник по окрестностям. Я очень обрадовалась — это была лишняя возможность увидеть любимого. Но мой телохранитель отправил вместо себя брата. Мы спокойно проводили время вне стен дворца. Абдул-Латиф упражнялся в стрельбе из лука и катался на лошади, а я наблюдала за природой, собирая

цветы. Когда я присела отдохнуть, ко мне подошёл Талгат и своей чистотой и наивностью пытался развлечь меня разговорами. Ближе к закату он стал читать мне свои стихи. Моей самой большой ошибкой в жизни стало позволение этому юному глупцу немного приблизиться ко мне. В тот момент я только думала о том, какой же замечательный брат у моего избранника и какие прекрасные дети могли бы у нас родиться.

Мысль о замужестве не давала мне покоя, и я решилась на последний отчаянный шаг. Тайно я позвала любимого в сад. Он явился во всём своём великолепии, и я просто обомлела. Я подошла к нему и тихим голосом прошептала просьбу: увести меня отсюда, потому что я не хочу выходить замуж за сына улу-карачи. Нежно и любя я молила его об этом. Но он был непреклонен, объясняя мне, что это лучшая партия для меня. Булат Ширин — именно тот человек, который сделает меня счастливой. Тот поцелуй был ошибкой, и надо жить дальше. Каждый должен идти своим путём, а ему лучше вернуться в Крым.

Слёзы потекли из моих глаз. Я отошла от телохранителя, отвернулась и подошла к скамейке, чтобы он не видел моего позора и моих слёз, а потом попросила его уйти, сказав, что более не держу его и он может ехать куда захочет. Но вместо этого он обнял меня за плечи, прижал к своей груди.

— Ну что же ты плачешь, повелительница моего сердца? Зачем терзаешь мою душу? — сказал он.

Я развернулась, и наши губы сплелись в жарком, страстном поцелуе.

Спустя неделю мы с помощью Тагира сбежали из дворца. Мы остановились в старом полуразрушенном доме на правом берегу озера Кабан. Я взяла все монеты и украшения, что были у меня, а это было немало. Нам хватило бы на долгие годы сытного существования. Я и Тахир не выходили из дома, а Тагир ходил на базар и приносил припасы. В его отсутствие мы страстно любили друг друга. А через два месяца его брат ушёл, сказав, что вернётся в город и будет служить при медресе. Мы остались одни, наслаждаясь своей любовью.

Лишь позже я поняла, что Тагир испытывал ко мне чувства и, увидев нас с отцом, сильно разозлился. Сначала он и вправду ушёл в медресе, но, решив отомстить мне, спустя время рассказал о нашем убежище одному из стражников Абдул-Латифа. В тот же день хан схватил нас. Меня спрятали в самых дальних покоях дворца — вон за теми окнами была моя темница, — показывая на единственные окна этого тайного убежища, продолжила ханбике. — А Тахира заточили в подземелье. Ко мне приставили повитуху, чтобы осмотреть меня, но я не давалась, и меня напоили снотворным. Пожилая женщина осмотрела меня и тут же отправилась рассказать хану о моём грехе. К тому же я уже носила дитя под сердцем.

Абдул-Латиф призвал меня и пригласил спуститься в сад.

Была зима, только что выпал свежий снег. Меня привели к эшафоту, на котором стояли Тахир и палач. Я закричала, умоляя простить нас и отпустить моего возлюбленного, но топор поднялся над его шеей, и брызги крови окрасили мою одежду. От увиденного я потеряла сознание.

Меня заперли в покоях с видом из окон на этот сад, где был казнён мой Тахир. Брат велел приставить ко мне двух наложниц, которым отрезали языки, чтобы те не сболтнули лишнего, а повитухе приказал избавить меня от ненавистного плода. Женщина сообщила брату, что это может быть очень опасно для моей жизни, и брат, испугавшись, велел мне оставаться в покоях. Прошло четыре месяца, и Кель-Ахмет начал задавать неудобные вопросы о женитьбе сына. Хан, ссылаясь на разные обстоятельства, всё откладывал свадьбу, но в конце концов, пойдя на риск, приказал умертвить моё нерождённое дитя. Мне подливали яд в гранатовый шербет, который я так любила. В итоге у меня начались сильнейшие боли, и моё тело извергло дитя. Это был мальчик. Его тут же унесли, так и не дав мне оплакать его смерть. Сильные боли и кровотечение истязали меня, а дата свадьбы была уже назначена — через неделю. Видя моё состояние, Абдул-Латиф вынужден был рассказать всё улу-карачи, и тот решил, что сам женится на мне, тем самым избавит сына от позора, а заодно и породнится с правящей династией, чего он так хотел многие годы. Я стала его женой, но так и не стала его женщиной, придумывая разные ухищрения. В конце

концов он и сам перестал требовать любви от меня. Я ненавидела этого мужчину, и со временем сначала отправила его на тот свет, а потом отомстила и брату. Свидетелей, кто мог бы рассказать о том событии, больше не осталось. Наложниц с отрезанными языками продали в рабство, а повитуху задушили, стоило ей только сообщить о смерти моего дитя. Боль от утраты сына и Тахира навсегда осталась в моём сердце. На месте гибели моего любимого я разбила этот сад и поставила надгробья. Теперь каждое утро я хожу сюда. Здесь тишина и покой, скрытые от всех глаз.

Гуахаршад закончила своё повествование.

— Какую тяжёлую тайну вы пронесли сквозь всю свою жизнь! Вы до сих пор любите Тахира? — под впечатлением спросила Сююм.

— Наши отношения закончились его смертью и смертью нашего сына. В этом сквере — мой дом. Я словно чувствую, что они здесь, со мной рядом. Любовь к нему до сих пор таится в сердце, и я верю, что после смерти найду покой в его объятиях.

— Но неужели у вас не было хоть малейшего видения, что вас подстерегает такая опасность?

— Мои видения появились лишь после их смерти. После такого удара судьбы я стала видеть картинки из будущего. Вот бы этот дар пришёл ко мне за несколько лет до тех ужасных событий. Печален ещё и тот факт, что не всегда я могу правильно истолковать свои видения или просто-напросто

не предвижу того, что нужно было бы мне знать.

Слёзы наполнили глаза великой ханбике, а юная девушка просто обняла её, сочувствуя и сострадая такому большому горю. Отныне обе ханбике часто по утрам посещали тайный садик, спрятанный среди дворцовых построек, отдавая честь большой любви и юности Гуахаршад.

Дни сменяли друг друга. Жизнь во дворце потихоньку текла своим чередом, спокойно и размеренно, пока в один из дней крики Фатимы не нарушили покой дворцовых стен. Весь дворец зашумел. Слуги и наложницы перешёптывались, повитухи бегали и готовили всё к родам. Джан-Али, услышав, что у любимой фаворитки начинаются схватки, очень обрадовался и велел принести самого лучшего вина из погребов дворца. Он сидел на троне и представлял, как скоро будет держать в руках своего наследника. Гордыня заполонила его разум, он восхищался своей судьбе и своему уму, что в столь юном возрасте смог добиться таких высот. О большем и мечтать не приходится: бесценные сокровища мира могут оказаться в его руках, любые кушанья и напитки — к его устам, любые женщины готовы разделить с ним ложе, и вот-вот появится первый ребёнок. Он — правитель великого ханства. Хан, которого, как он думал, все ценят и уважают, ведь все всегда так восхваляли его. Видеть то, что Гуахаршад совсем не сдала бразды правления, он вовсе не хотел и считал, что все решения принимает только он. Вино всё больше затуманивало сознание хана, погружая его в без-

дну фантазий и хмеля.

Странные чувства родились в сердце молодой ханбике, когда она слышала о начинающих родах фаворитки своего супруга. Радость, что в семье появится малыш, поселилась вместе с некой завистью — что не её малыш будет первенцем. Слова матери о большой любви прочно засели в её голове. Она старалась не думать о плохих мыслях, поскольку мысль о зависти перед рождением ребёнка пугала её.

«Неужели я могу завидовать тому, что ребёнок родится? Какая же я гадкая», — подумала она. Ей стало грустно и обидно, что, обладая титулом и великим званием, она никто в этом дворце. Впервые ощутила она свою беспомощность и ненужность, ведь она ещё совсем юна и неопытна и вряд ли когда-нибудь сможет влиять на дела ханства. Муж не признал её, и вряд ли она когда-либо сможет ему понравиться и родить малыша. Его неприязненное отношение не давало ей никакой надежды на тёплые чувства и счастливую семейную жизнь. Хотя и сам Джан-Али не был мил её сердцу, но начавшиеся роды соперницы словно отрезвили Сююм, дав ей понять, что она не хочет просто проживать во дворце. Она — птица более высокого полёта и будет бороться за свою судьбу. Кровь предков дала о себе знать: ей не хотелось больше, как серой мышке, прятаться в своих покоях. Она — знатная княжна великого рода и будет великой ханбикой.

«Отныне я буду делать всё, чтобы понравиться и сблизиться с мужем. Я смогу добиться его расположения, я долж-

на стать матерью великого наследника», — продолжала рассуждать ханбике. Она была готова переступить через свою гордыню и неприязнь к мужу ради большой цели — стать великой ханбике.

Роды продолжались уже несколько часов. Громкие крики всё чаще разносились по дворцу. Главная повитуха была очень напугана, ведь плод занял неправильное положение, а наложницу одолевали сильные схватки. Лекарши из всех сил пытались ослабить боль роженицы, но та истошно кричала от боли. Нестерпимую боль и страх испытывала Фатима.

— Где же мой хан? — спросила она у повитухи.

— А твоё-то какое дело? Знай себе рожай, — ответила ей женщина. — Твоё дело — малыша здорового родить, а тут и так проблем много. Хана нам тут ещё не хватало.

Слёзы ручьём потекли по щекам красавицы-фаворитки. Измученная и напуганная, прежде никогда не сдерживавшая себя при малейших грубостях в свой адрес, она молча подчинялась повитухам и начала опять тужиться.

Тем временем изрядно выпивший хан решил посмотреть, как обстоят дела, и направился в покои, где рожала Фатима. Услышав крики своей наложницы, он очень обрадовался:

— Видите, мой сын сейчас родится! Как громко он является на свет!—Радости его не было предела.

Главная повитуха сказала повелителю, что роды очень сложные, и попросила его выйти, чтобы не отвлекать, на что хан недовольно ответил, что не ей решать, где ему быть в

этот момент. Но спорить не стал, а отправился в свои покои выпить ещё немного вина.

Была уже глубокая ночь, когда малыш покинул тело своей матери. Как ни старались повитухи и подоспевший главный лекарь, малыш так и не смог сделать свой первый вдох. Его завернули в шёлковые одеяла и положили на кровать возле матери, чтобы она могла проститься с ребёнком. Измученная Фатима лежала неподвижно. Она не могла говорить, и лекари даже не совсем понимали, осознаёт ли она происходящее. Одного из евнухов отправили за ханом, однако тот так и не смог прийти в себя — несколько кувшинов хорошего вина сделали своё дело.

Кровотечение у роженицы никак не останавливалось, и спустя несколько часов сердце её замерло. Безутешная Фидан навзрыд рыдала возле покоев своей сестры. От шума проснулся весь гарем, который и так почти не спал этой ночью. Пришла и сама Гуахаршад и велела удалить Фидан в отдельные комнаты, чтобы не нарушать покой. Она приказала организовать всё для похорон и доложить печальную новость падишаху, а узнав о его состоянии, очень опечалилась. Изодня в день она видела, как хан всё больше пристращается к вину, и никакие уговоры женщины не могут наставить его на путь истинный. Благо хоть то, что эта пагубная привычка ещё не является достоянием общественности. Хан — образец для подражания, великий предводитель казанского народа, человек наивысшей благородной крови, образован-

ный и не имеющий нужды ни в чём, — оказался пьяницей. Взгляд старшей ханбике поник, а щёки налились румянцем от злости на племянника. Неожиданно она отдала приказ избавиться от всех горячительных напитков во дворце и под страхом смертной казни запретила давать хмельные напитки повелителю.

Вскоре новость ураганом пронеслась по дворцу. Даже дворцовые мыши обсуждали тяжёлые роды, смерть младенца и его матери. Конечно, весть дошла и до Сююм. Девушка разрыдалась горькими слезами — ей стало так стыдно за мысли, что посетили её несколько часов назад.

— Альбина хатун! — обратилась она к своей служанке. — Как же этот малыш мог погибнуть? Он же сын самого хана. Маленькое дитя ни в чём не виновато. Но почему же Всевышний призвал его к себе?

— Я много раз задавала этот вопрос о своём малыше, ведь он умер, так и не успев родиться. Все слёзы я выплакала, а ответа так и не получила, — ответила служанка. — Не было на свете человека, которого я любила бы больше, чем своего нерождённого ребёночка. А счастья материнства мне так и не удастся познать. В жизни всё идёт своим чередом, и каждое событие для чего-то или для кого-то нужно. Может, мы не сразу поймём или не поймём вовсе, но знаю точно: судьбой нам отведено испытать всё то, что с нами происходит. И как бы мы ни хотели что-то изменить, у судьбы на всё свои планы.

— В тебе столько мудрости, — продолжая плакать, произнесла ханбике. — Я и не замечала раньше, что мысли твои столь глубоки.

— Мой траур ещё не прошёл, а вам, госпожа, сейчас тоже больно. Вы много сделали для меня — наверное, больше, чем кто-либо в моей жизни, — и от всего сердца я хочу помочь вам. Находясь в самом низу, я и представить себе не могла, что ханбике может так плакать и убиваться за чужого ребёнка, что вообще вы, небожители, как и мы, люди самого низшего класса, можете так страдать. Вы столь юны, но не избалованы роскошью, справедливы, милосердны и терпимы к людям независимо от ранга и статуса. Вот если бы все люди были похожи на вас, мир стал бы добрее и чище.

Разговор сблизил служанку и госпожу, и Альбина всё больше стала доверять и располагать к своей хозяйке.

После скромных похорон дворец погрузился в тишину. Джан-Али почти не выходил из своих покоев и с пониманием отнёсся к приказу Гуахаршад. Спустя две недели он посетил собрание дивана, где ему очень быстро наскучило слушать жалобы подданных о нехватке дров — прошлая зима выдалась очень суровой, и стоит позаботиться о предстоящей. Велев заготовить дополнительный объём, он покинул зал заседания, отправившись на охоту.

Постепенно забывалась боль от потери ребёнка и наложницы, и в покои почти каждый день стала приходить Фидан, оставаясь с повелителем до самого утра. Иногда хан просил

подготовить других наложниц, но всегда приходила Фидан. А чтобы возлюбленный не сердился, увидев её, она всегда приносила с собой кувшинчик с ароматным вином. Ей пришлось подкупить начальника стражи и одного из евнухов, чтобы во дворец приносили любимый напиток хана тайком от посторонних глаз. Многие рисковали своими головами, но золотом Фидан смогла наладить надёжный источник любимого напитка хана, за что он всё больше восхищался своей любимой фавориткой. Конечно, он не оставался в долгу перед ней и одаривал самородными камнями, украшениями и мешочками золотых монет. Фидан стала заказывать себе много красивых платьев, расшитых золотыми нитями, и даже велела изготовить корону.

После смерти сестры она очень изменилась. Осознание того, что жизнь так скоротечна и смерть может прийти в любой момент, сделало наложницу ещё более раскованной. А чувствуя защиту хана, она всё больше стала вести себя как госпожа и даже добилась отдельных покоев. Ни одной наложнице ранее не выделяли отдельные покои — такая честь доставалась лишь избранным наложницам ханов, которые рожали наследников. Но Фидан очень боялась беременности и родов. Глубокая рана от потери сестры и причины её смерти никак не оставляли её, и она нашла повитуху, которая смогла ей помочь в этом вопросе. Снадобья, которые готовила женщина, не давали наложнице забеременеть, а Джан-Али всё ждал, когда же Всевышний пошлёт младенца в его дом.

Узнав, что наложнице выделили отдельные покои, Гуахаршад очень сильно рассердилась и тут же отправилась к племяннику.

— Ты нарушаешь все традиции и устои нашего государства, — войдя в покои, сказала она.

— Это моя воля, чтобы Фидан жила в отдельных покоях, — гордо ответил хан.

— Не может наложница жить как госпожа — порядка в гареме не будет. Она что, беременна?

— Надеюсь, что она родит мне сына. Как ты не поймёшь: моя воля — это закон для всех, в том числе и для тебя. Я не позволю оспаривать мои решения. Ты что, не знаешь, что бывает с теми, кто не выказывает уважения повелителю? Сейчас я расцениваю твоё поведение как неуважение к моей воле, — хмуро ответил он.

— Племянник, милый, — сбавив тон, продолжила ханбике. — Есть многовековые устои. Они просто нерушимы. К тому же у тебя есть законная жена — да ещё какая красавица. Будет лучше, если ты будешь уделять больше внимания ей.

— Нерушимы только горы, моя дорогая тётя. Я же могу делать что угодно. А что, моя жена чем-то недовольна?

— А когда ты видел её в последний раз? Девушка умна, красива. Постоянно читает и берёт уроки. О такой жене мечтали бы многие правители.

— Она уже и так моя жена. Что ты ещё от меня хочешь?

— Будь с ней поласковее, общайся с ней. Я думаю, вы най-

дёте много тем для разговоров. Она очень начитана, любознательна и мудра.

— Ну что же ты ко мне всё время лезешь со своей Сююм?

— Прежде всего, она твоя жена. В священном писании сказано, что муж должен уделять внимание своей жене и исполнять свой супружеский долг. У тебя должны появиться дети от этого брака. А как они появятся, если ты даже на ужин не зовёшь свою жену?

— Я хан и сам могу решать, в чьих объятиях проводить ночи, с кем ужинать или гулять.

— Никто не спорит с этим, но ты женат, и жена твоя должна стоять у тебя на первом месте среди твоих фавориток. Она жена тебе перед Всевышним.

— Ты выбрала мне её в жёны. Я сам, может, не женился бы на ней. А теперь сам буду решать, когда исполнять свой супружеский долг.

— Давай примем решение, которое устроит и тебя, и меня, — предложила Гуахаршад.

— О чём ты говоришь, тётя? — озадаченно спросил хан.

— Я соглашусь, и оставлю покои для Фидан в гареме, но ты, как и положено, хотя бы раз в неделю будешь принимать в своих покоях Сююм, — взволнованно говорила ханбике.

Такой компромисс был единственным, что пришло ей в голову в тот момент. Она прекрасно понимала, что только Сююм сможет изменить племянника. Простота, красота, но в то же время развитой ум девушки в сочетании с добрым

характером должны были покорить её родственника. Казанское ханство нуждалось в сильном и справедливом правителе, и Гуахаршад хотела вырастить себе смену. А Сююм как никто другой лучше всех подходила на эту роль. Старшая ханбике всей душой любила Казань. Красивый, могущественный, важный и знатный город был долгие годы единственной отдушиной этой немолодой женщины. И ради его процветания она была готова сделать многое, а сейчас, когда судьба свела её с маленькой княжной, а своей душой она и вовсе растопила сердце пожилой женщины, что та стала считать её чуть ли не названной дочерью..

— О, тётушка, ты продаёшь свою шпионку? — заинтересованно спросил хан. Вся эта ситуация сильно позабавила его. — Чтобы подсунуть мне свою следопытку, ты согласилась пойти на уступки? Это что-то новенькое. А хорошо! — согласился он, расценивая происходящее как некую игру.

— Я распоряжусь о покоях для Фидан — всё будет сделано как надо. Твоя фаворитка не будет ни в чём нуждаться. Но запомни одно: мне шпионы не нужны в этом дворце, тем более Сююм. Как она может быть шпионкой? Подумай, в чём ты обвиняешь свою же жену? — склонив голову, вышла из покоев ханбике.

Конечно, ей не понравился этот разговор. Но она понимала, что должна заставить племянника взяться за ум и сделать всё возможное, чтобы у хана появился потомок, что укрепит власть её династии в ханстве. Она понимала, что Сююм тоже

не обрадуется такому положению вещей, но порядок должен восстановиться. «Порядок в государстве должен начинаться с порядка в доме», — подумала она и отправилась в покои молодой ханши, чтобы рассказать о предстоящих переменах в её жизни.

Сююм сидела у окна в своих покоях и, как обычно, читала книгу, взятую в библиотеке многоминаретной мечети. Локоны её длинных чёрных волос струились сквозь солнечный свет, падающий из окна. Безмятежное выражение её тёмных глаз скользило по страницам, и лишь изредка уголки губ княжны отражали настроение прочитанной истории. В комнате царили тишина и покой — то самое умиротворение, к которому так стремилась хозяйка этих покоев.

Стук в дверь нарушил тишину, и девушка соскочила с места, чтобы встретить старшую ханшу.

— Я очень рада вам, моя госпожа! — поклонившись, сказала Сююм.

— Ты хорошеешь изо дня в день, моя дорогая ханбике. Словно бутон великолепной розы, ты раскрываешься передо мной, радуя своей красотой и изяществом, — восхваляя, говорила старшая ханбике.

— Сегодня мне принесли удивительно вкусный чак-чак с кедровыми орешками. Может, вы выпьете чаю или лукума вместе со мной? — уважительно предложила юная ханбике. — Этот чак-чак делает лишь одна пекарня. Мне Альбина рассказала о ней. Изумительно вкусный, сочный чак-чак

с молочными кедровыми орехами. Вот попробуйте, как же это вкусно. Альбина хатун! — обратилась она к служанке. — Принеси нам чай и чак-чак, что доставили сегодня мне во дворец.

Служанка покорно подчинилась своей хозяйке и начала накрывать на стол.

— Полно тебе суетиться. У меня есть важный разговор, — взяв за руку, сказала Гуахаршад.

— Это касается покоев Фидан, — перебила её хозяйка покоев. — Птички давно принесли мне эту новость.

— Как же быстро распространяются новости в нашем дворце. Да, это тоже часть моего разговора с тобой. Сегодня я была в покоях нашего хана. Это совсем не дело, что ты ему вовсе не жена. Так не должно быть, да и к тому же наше государство нуждается в наследнике. Ты молодая и красивая женщина и должна жить полной жизнью. Ты — жена великого хана, твой долг — быть подле него.

— Хан вовсе не увлечён мной, но сама я тоже понимаю, что так не должно быть. В день, когда умерла Фатима, я чётко поняла, что не хочу быть затворницей ханских покоев. Я хочу быть великой женой великого хана. Моё происхождение и мой характер меня к этому просто обязывают. Сейчас я стараюсь много читать, потому что хочу быть образованной и достойной нашего повелителя, и очень надеюсь, что он обратит на меня внимание. Пусть он не увидит моей красоты, но узнает и полюбит меня за мой острый ум.

— Девочка моя, — приобняв и поцеловав в лоб, сказала Гуахаршад, — насколько же ты мудра в свои годы! Ты правильно делаешь, что многому учишься. Джан-Али обязательно это оценит.

— Я помню, что в моём родном доме к нам однажды пришёл бывший хан Казанского ханства Сафа-Гирей.

В тот момент, когда Сююм начала рассказывать о высоко-родном госте в доме своих родителей, глаза её засияли, а на лице появилась влюблённая улыбка. Гуахаршад, обладая искромётной проницательностью, сразу заметила изменившееся выражение лица и тембр голоса невестки. Это навело её на мысль, что нежная, чистая, робкая Сююм, сидящая рядом на красивом диване, тайно питает тёплые чувства к предшественнику Джан-Али, и, возможно, это и служит причиной того, что Сююм и сама не стремится завоевать мужа. Эти мысли немного встревожили старшую ханбике, отчего она уже не вслушивалась в речи девушки о жёнах Сафа-Гирея.

— Тётушка, тётушка! — окликнула Сююм свою собеседницу. — Вы меня слышите?

— Да, да, моя хорошая, — ответила ей женщина.

— Вот я и говорю, что мне не хватает шика и самоуверенности. Его жёны сильно выигрывают по этим позициям по сравнению со мной. Ведь все четверо в тот день были возле него, и были они очень величественны. И сам Сафа-Гирей очень отличается от нашего хана. Он очень статный, мужественный, знающий, что ему нужно, мужчина.

Глаза Сююм блеснули от разговора об этом человеке.

— Думаю, что со временем и Джан-Али станет опытнее и самоувереннее. Ещё прошло очень мало времени, как он полноценно вступил в свои обязанности. А власть — дело такое, здесь нужен опыт, а не только ясный ум. Образованность, стратегия, дальновидность и даже интуиция помогают правителю стать великим. Я очень надеюсь, что у моего племянника всё впереди.

— Но, как говорят, каждого сильного мужчину сильным делает умная, сильная женщина. Я хочу быть настоящей ханшей.

— Мне очень нравится твой настрой, моя девочка. Думаю, в ближайшем будущем хан позовёт тебя в свои покои. Будь с ним ласковой и нежной, и в ответ к тебе вернётся много любви и трепетных чувств. Я очень надеюсь, что спустя время этот дворец наполнится детским смехом ваших малышей.

— Спасибо, дорогая ханбике, — поцеловав руку, произнесла маленькая княжна.

Ей совсем не хотелось вести разговоров о том, что ей предстоят ночи в объятиях мужа, но раз уж судьба так распорядилась, кроме смирения, выхода у неё не было. С того момента, как она осознала, что хочет для себя нечто большего, чем просто жить в покоях и не показывать носа, она много раз представляла, как пойдёт в покои к хану и как ей придётся объяснять ему, что в первую ночь между ними ни-

чего не было. Она представляла, как нежен он будет с ней, но каждый раз образ Джан-Али рассеивался в её воображении, а вместо законного супруга появлялся образ возлюбленного Сафа-Гирея, чувства к которому она обязана была просто утопить где-то в бездонном океане своего огромного сердца.

— У меня есть ещё один вопрос для обсуждения, — продолжила Сююм. — Неоднократно я видела много голодных людей, и в том числе маленьких детей, на улицах города. Возле базара живут дети-попрошайки. Они словно банда голодных и обездоленных рыщут в поисках еды и крова. Сколько же людей нуждаются в помощи, хотя бы в еде. Я вот подумала, что можно найти место и построить пекарню. Каждое утро там бы пекли хлеб и раздавали всем нуждающимся. Это было бы не так дорого, а деньги я готова выделить из своего содержания.

— Сколько же в тебе благородства! — восхитилась сказанным Гуахаршад. — Идея твоя мне очень нравится. Я поручу главному казначею всё рассчитать. Люди будут очень довольны такому благому делу. Нужно будет найти подходящее место и выделить деньги на строительство здания пекарни. Назовём её «Пекарня Сююм». Безусловно, твой авторитет поднимется среди горожан, и это будет твоим первым шагом в политическую жизнь нашего государства.

Утром следующего дня обе ханбике отправились на базар присматривать место для будущей пекарни. Главного архитектора дворца взяли с собой, в подробностях рассказав

ему о предстоящем проекте. Долго они бродили, выбирая место. Много вариантов рассмотрели высокородные дамы и уже ближе к вечеру определились с участком.

Горожане, прослышав, что великие княжны ищут место для строительства пекарни для бедняков, очень обрадовались. Особенно новость порадовала бедных бродячих мальчишек и девчонок, оставшихся без попечения взрослых и скитающихся по тёмным переулкам города. В Сююм они увидели свою спасительницу и ласково стали называть госпожу Сююмбике. Новое имя великой ханши быстро распространилось среди народа, и у многих уже не поворачивался язык называть её иначе. Люди были воодушевлены такой милостью и заботой со стороны молодой ханбике. Её восхваляли и радовались появлению столь великодушной княжны в правящей династии.

Прослышав о строящейся пекарне, хан очень рассердился. Ему не понравилась эта идея. Более того, как маленький мальчик, он просто приревновал: народ больше говорит о жене хана, чем о нём самом. Его сильно возмущало, что строительство началось без его ведома и что помощницей Сююмбике в этом вопросе стала его ненавистная тётка. Злоба на Гуахаршад всё разгоралась в его сердце. Он никак не успевал за скоростью старшей ханбике, за её способностью быстро принимать решения и выполнять их. Вместе с тем здравый смысл подсказывал ему, что именно она много знает и умеет и в случае чего обязательно поддержит. Ведь

именно она и её верный соратник, член дивана Булат Ширин, чьё мнение ханбике всегда принимала во внимание, помогли Джан-Али сесть на трон. Но злоба не давала покоя хану, и он вызвал тётушку к себе на разговор.

— Ты опять лезешь не в свои дела, дорогая ханым, — недовольно сказал Джан-Али. — Только благодаря моему доброму отношению к тебе ты ещё носишь голову, — продолжал он, набивая себе цену. — Я уже много раз говорил, чтобы ты держалась подальше от государственных дел.

— Да в чём же дело, милый племянник? — искренне недоумевая, возразила ханбике.

Конечно, она поняла, что его беспокоит строительство пекарни. Мудрая женщина предполагала, что это ударит по самлюбию хана, но отказать Сююм не могла и не хотела.

— А ты не понимаешь? Весь народ твердит о пекарне Сююмбике! Весь гарем жужжит, что моя молодая жена самовольничает!

— А ты, мой дорогой, объясни жужжащим пчёлам из своего гарема, что без твоего ведома здесь даже мухи не летают. Ты — могущественный хан! Разве ты мог не разрешить своей единственной, высокородной жене строительство благотворительного объекта? Благословляя твою жену, люди чтят и тебя, пусть и не кричат об этом во всеуслышание. Именно твоя династия совершает такие благие дела. Твоя жена молодец, что придумала такое. Думаю, ты должен отблагодарить её. А пчёлам, что так досаждают тебе, нужно срочно указать

их место в улье, чтобы лишний раз они не беспокоили моего мудрого племянника.

Слова госпожи заставили повелителя немного призадуматься, но самолюбие его всё равно было задето.

— Думаю, вечером твоя жена навестит тебя, и ты сможешь её как следует отблагодарить.

— Я сам буду решать, когда ей приходить в мои покои, — дерзко огрызнулся хан.

— Я и не спорю с тобой. Просто нужно, чтобы и пчёлы видели, что ты здесь всё решаешь и в курсе всех дел, что происходят в стенах дворца и за его пределами. Все должны видеть: вы с женой сообща вынашиваете такие благородные деяния. А как же пчёлы увидят, что это твоих рук дело, если ты жену свою не видишь? К тому же Фидан давно уже поселилась в своих покоях, а ты так ни разу и не пригласил к себе Сююм. Уговор, племянник, уговор!

Спорить с тёткой хан не хотел и, понимая правоту её слов, жестом велел ей удалиться. Как бы досадно ему ни было и как бы далеко от себя он ни хотел держать жену, поддерживать связь с законной супругой всё же придётся. И это уже не просто вопрос личных отношений — тут включилась политическая игра, в которой он просто не мог потерпеть поражение.

Сююмбике узнала, что вечером хан ждёт её в своих покоях. Сердце девушки сильно забилося. Щёки стали багровыми, страх выдавали её глаза. Служанка Альбина сразу за-

метила перемены в настроении хозяйки, но не стала спрашивать, чтобы не смущать госпожу. Был выбран самый красивый наряд и подготовлены самые изысканные украшения. Истопили баню, куда принесли ароматные масла. Прислужницы поливали плечи девушки тёплой водой с отварами благоухающих трав. А расстроенная, печальная княжна сидела на тёплых камнях, задумчиво разглядывая пальцы ног.

Вновь страх, что раскроется её обман о первой брачной ночи, обуял её. Дворец был полон людей, а разделить душевные страдания было не с кем. Конечно, старшая ханбике поддерживала её во всех помыслах, но эту тайну рассказать она не могла. Увидев свою служанку, робко стоявшую в углу хаммама, ханша велела всем выйти, а полюбившуюся Альбину попросила подойти ближе. Та взяла пиалу и продолжила поливать свою бике целебной водой.

— Альбина-апа, — обратилась к служанке как к старшей сестре Сююм, — мне нужен твой совет. Ты ближе всех мне в этом дворце, да и опыта в людских делах у тебя много, — умоляюще говорила она.

— Что же случилось, моя госпожа? Чем вы так опечалены? — Служанка была тронута доверием хозяйки, к которой и так питала очень тёплые чувства.

Страх пересилил все чувства в юной девушке, и она рассказала всё о своей тайне.

— Да что же вы, моя госпожа, так переживаете об этом? Дело-то житейское. Хан, наоборот, будет очень доволен.

Мужчины любят нетронутых девушек. В прошлый раз он был сильно пьян и ничего не помнил. Думаю, эта ночь будет волшебной. Вы оба вкусите плоды рая и унесётесь в страстях к небесам. Не говорите ему ничего. Всё пройдёт само собой. А сейчас надо вытереть слёзы и привести себя в порядок. Вашему мужу явно не понравится, если вы явитесь в покои с красными и распухшими глазами.

Женщина успокаивала свою госпожу, понимая, насколько та ещё юна и невинна.

— Спасибо тебе, Альбина-апа. Что бы я без тебя делала?

Сююм немного успокоилась и продолжила готовиться к предстоящей ночи.

Вечером слуга постучал в двери ханских покоев и доложил хану, что пришла Сююмбике. Хан по обыкновению сидел на троне, читая книгу и попивая вино. Большой кувшин с хмельным напитком, чак-чак и прочие яства стояли на столике возле него. Конечно, он знал, что законная супруга вскоре должна прийти, но каждой клеточкой тела стремился показать — и, главное, убедить себя, — что Сююм враг его величества.

— Пусть заходит! — велел он слуге.

Юная девушка предстала перед ним во всей красе. На изысканном белоснежном платье чёрные как смола волосы спадали вниз, создавая удивительный контраст. Большие, скромные глаза, ровные аристократические черты лица не могли не восхищать. Но только не хана. В его голове прочно

сидела мысль о враждебности Сююм. Тем более незадолго до её прихода фаворитка Фидан посетила покои хана и слезно настраивала повелителя против жены, опасаясь за своё положение. Она говорила хану, что это злобная тётка хочет сместить его с престола, чтобы самой сесть на трон, а Сююм — лишь марионетка в руках высоковластной ханбике. Хан хоть и с трудом но верил, что Гуахаршад мечтаем сама сесть на трон Казанского ханства.

Джан-Али легко поддавался влиянию любимой наложницы, а если речь шла о троне, то любой, даже самый нелепый слух воспринимался им за чистую монету. Вот и сейчас к приходу жены он был уже воинственно настроен. Фидан приложила все усилия для этого — она сама боялась потерять положение при дворце и чувствовала большую угрозу со стороны законной жены и Гуахаршад-ханым. Принося тайком кувшины вина и плетя сплетни, она день за днём сеяла в сердце хана ненависть к тётке и жене своего господина.

На свою красивую, изящную супругу хан взглянул с ненавистью и презрением.

— Ну что, подослали тебя ко мне шпионить? — ехидно, с ухмылкой произнёс повелитель.

Видя, что хан опять пьян и не в хорошем расположении духа, Сююм ответила:

— Если моему господину угодно, я могу прийти в другой раз. Не хочу вас беспокоить.

— Я могу подумать, что ты сама невинность, моя дорогая

жена. Всё я про тебя знаю.

Сююм очень испугалась слов мужа. «Неужели он знает правду о нашей первой ночи? Что же будет?» — подумала она. Щёки её покраснелись, взгляд был полон страха. Тем временем хан долил остатки вина в бокал, разом выпил, встал с дивана и обошёл вокруг своей жены. Он остановился напротив её лица, разглядывая покрасневшие щёки, и рукой дотронулся до пылающей нежной кожи.

— Ты не так уж и уродлива, как мне казалось. И если бы ты не была прислужницей моего врага, от которого я пока не могу избавиться, то, может быть, ты мне даже понравилась бы.

— Повелитель — Сююм растерянно смотрела на мужа. — Почему вы считаете меня своим врагом? В чём мой грех?

— В чём твой грех? — Джан-Али криво усмехнулся. — Ты за моей спиной мутить народ вздумала? Пекарни для бездомных строишь? Я тебе дозволение давал?

— Но это же богоугодное дело

— Молчать! — взревел хан. — Ты мой авторитет подрываешь! Унижаешь меня перед подданными!

Ярость и гнев охватили уже сильно захмелевшего хана. Он шагнул, но тут же покачнулся — хмель ударил в голову. Схватив новый кувшин, он плеснул вина в кубок и рухнул на диван.

— Раздевайся. Хочу на тебя посмотреть. В прошлый раз ты меня опоила чем-то — ничего не помню.

Сююм похолодела. Этот приказ, брошенный как собаке, этот пьяный, мутный взгляд Где же ласки, о которых шептала наставница? Где ухаживания? Она стояла перед мужем как рабыня, а он смотрел на неё как на непотребную вещь.

— Мой повелитель — голос её дрогнул. — Может, я приду в другой раз? Когда вы будете в более расположенном духе?

Тон, которым муж велел ей раздеться, больше подходил для прислуги, нежели для высокородной жены. Единственным её желанием было поскорее покинуть покои супруга.

— Раздевайся! Я не намерен дважды повторять! — рассердился хан ещё больше, хлебнув ещё глоток вина.

Сююм послушалась и медленно начала расстёгивать пуговицы платья. Слезы появились на её глазах. Она чувствовала себя униженной и оскорблённой. Взгляд юной девушки совсем поник. Неожиданно она вспомнила себя в доме отца, где её смех наполнял комнаты, где она чувствовала себя любимой и свободной, где не было печали, обид и интриг.

— Чего ты нахмурилась? Думала, я буду нежен с тобой, восхвалять тебя и одаривать своим вниманием? Знай: предатели не получают желаемого.

— Я никогда не предавала вас, мой господин, — сквозь слёзы сказала ханша, снимая верхний слой платья.

Голос её дрожал, ноги предательски подкашивались от страха и унижения.

— На мне есть лишь один грех, и то он не связан с пре-

дательством.

Слова госпожи ещё сильнее раззадорили повелителя, и, словно с цепи сорвавшись, он вскочил с дивана и в мгновение ока оказался возле жены. Он схватил её за волосы и нагнул назад, чтобы видеть лицо.

— И в чём же твой грех? Отвечай сейчас же!

Он ещё сильнее стал тянуть её за волосы, причиняя боль — не только физическую, но и душевную. Джан-Али чувствовал сильную ярость, гнев обуял его.

— Отпустите меня, прошу вас! Я не сделала вам ничего плохого! — взмолилась ханбике.

— Отвечай же, бесстыжая! — стиснув зубы, всё больше и больше заводился хан.

Разум его одолевала злоба, вино стирало все дозволенные границы. В сапоге он всегда носил небольшой нож. И тут, рассвирепев словно дикий зверь, он вытащил нож и разорвал им оставшиеся одежды ханши. Всё ещё держа жену за волосы, он поволок её на кровать, швырнул словно какое-то отребье и сам навалился на неё. Сююм пыталась вырваться, кричала от ужаса, боли и обиды, но хана это только заводило — всё жестче и грубее он истязал свою жертву.

Вскоре Сююм перестала кричать. С силой сжимая одеяло, лицо её больше не содрогалось от каждого движения хана — она просто лежала неподвижно, и лишь текущие слёзы давали понять, что она ещё жива. Сколько мыслей пролетело в голове этой несчастной девушки — дочери великого

ногайского бия, воспитанной в любви и ласке родителей, получившей хорошее образование, обладающей огромным состоянием! Ей совсем не предназначалось находиться здесь в таком унижительном положении. Почему же никто не спас её в этот момент? Не было никого рядом: ни слуг, ни старшей ханбике. Как же так получилось, что её невинность была нарушена таким жестоким образом? Как вышло, что девушка с душой ангела, лицом словно райский цветок, кожей нежнее самых дорогих шелков, в награду за всю свою добродетель получила столько боли и унижения?

Испытав сладострастие, хан привстал на колени. Перед ним неподвижно на животе лежала Сююмбике. Голова кружилась, злоба немного поутихла, но вдруг он увидел испачканную в крови жену и простынь под хатун. Ярость взыграла в нём с новой силой. Он намотал чёрные волосы девушки на руку и резко притянул её к себе. От боли она сильно взвыла, а хан приставил нож к её горлу и велел замолчать.

— Так значит, ты обманула меня, бесстыжая? В прошлый раз я так и не овладел тобой? — закричал он.

— Я не хотела никого обманывать. Всё само собой так получилось, — тихо ответила девушка.

Слёзы более не текли из её глаз. Она мечтала лишь о том, чтобы этот день поскорее закончился и она покинула покои хана — чтобы более сюда не входить. Она хотела уйти и написать письмо отцу и матери, умоляя забрать её домой: такая жизнь ей вовсе не нужна. Гордость, чувство самосохранения

кричали ей скорее покинуть это злосчастное место.

Тем временем Джан-Али никак не мог успокоиться. Гневно смотрел он на жену, пытавшуюся освободить волосы из его рук, и тут сильнее нажал на нож. Лезвие поранило девушку, а он продолжал медленно вести ножом по телу, оставляя кровавый след.

— Ты на всю жизнь запомнишь, хатун, что нельзя обманывать меня. Эту ночь ты будешь помнить всю жизнь. Я ода- риваю тебя несмываемой наградой.

Словно дьявол вселился в хана в этот момент. С такой жестокостью он резал тело своей жены, доведя лезвие ножа до самого низа живота. Где-то порез был глубже, и кровь потекла тонким ручейком, пачкая одежды хана и постель. Довольный своими злодеяниями, он поднялся с кровати, потянул за волосы жену и вытолкнул её из покоев. Девушка — практически полностью обнажённая, оставшаяся лишь в небольших лохмотьях от красивого платья — упала на пол и потеряла сознание.

Хан закрыл свои двери, оставив юную жену на полу возле своих покоев. Слуги переглянулись: они не знали, что делать. Полуобнажённая ханша лежала перед ними без чувств, а повелитель не отдал никакого приказа. Один из слуг сказал, что нужно позвать хранителя покоев, и тут же побежал за ним. Буквально спустя пару минут в конце коридора, ведущего к ханским покоям, появился хранитель. В руках он держал покрывало, в которое закутал ханшу, и отнёс её в ла-

лазарет. Слуга же тем временем был отправлен к Альбине хатун.

В коридорах дворца было пусто — все уже спали, и эта история с истекающей кровью госпожой ещё не разнеслась по дворцу.

Сююмбике уложили на кровать. Покрывало к этому времени уже всё пропиталось кровью. Лекарша сейчас же осмотрела ханшу и с ужасом взглянула на хранителя покоев: — Кто же это сотворил с бедной госпожой?

Но хранитель велел молчать и делать своё дело. Альбина посмотрела на свою любимую Сююм. Для неё всё сразу стало очевидно. Сердце разрывалось от боли — она не думала, что такое может произойти с великой госпожой. Не мешкая, она отправила евнуха, сторожившего лазарет, к Гуахаршад.

Старшая ханбике ещё не спала в этот поздний час. Взор её был устремлён вдаль, за стены крепости, где на небе вдоль линии горизонта виднелись столбы дыма от домов окрестных деревень, соединяющие словно мост небо и землю. В эту ночь, как и во многие другие, она вспоминала своего Тахира и мечтала, что когда придёт время, она пройдёт по этому мосту к воротам рая, где он в белоснежных одеждах будет ждать её, держа за руку их маленького сына.

Стук в дверь быстро вернул мысли ханбике из сладких грёз в холодную реальность. А услышав о случившемся, душевная боль пронзила её тело. Даже в самых страшных своих видениях она не видела такого ужаса. Опять её дар пре-

дательски не проявился в нужный момент.

— Бедная моя Сююм, — шептала она, наспех надевая кафтан, спускаясь по лестнице в коридор, что вёл в комнаты лазарета.

Все кружили над истекающей кровью девушкой, а она никак не приходила в сознание. Рана её была очень длинной. Много крови потеряла юная ханбике, поэтому лекари не давали никаких прогнозов, понимая, что девушка ещё долго будет лечиться, а шрам от пореза длиной на всё тело останется навсегда. Кровь никак не останавливалась, хотя делалось всё возможное, чтобы бедная девочка — бледная, словно простыня, с отёкшими веками от океана слёз, пролитых в покоях хана — очнулась. На раны наложили повязки с мазью из крапивы и замотали девушку в ткани.

Неожиданно губы её немного зашевелились, и она издала еле заметный стон. Старшая ханбике тут же припала к девушке, взяв её за руку. А Сююм еле слышно произнесла:

— Сафа

Женщина в ту же минуту разгадала все секреты сердца юной ханым. Она наконец поняла печаль девушки накануне свадьбы. А то, что сделал Джан-Али с молодой девушкой, вызывало в ней дичайшую боль, и ей очень хотелось вернуть время назад и всё исправить. Она воспринимала молодую ханбике как собственную дочь — настолько сильной оказалась её привязанность к ней.

В голове у старшей ханбике поселились мысли о том, как

же исправить то, что она натворила. Она и подумать не могла, что племянник окажется настолько жестоким, грубым, тираничным человеком. Как же она могла воспитать такого зверя? Как не заметила, что с ней живёт столь жестокий человек? В голове были тысячи мыслей, а она пыталась найти лишь одну верную — выход из этой ситуации. Она уже поняла, что никогда не сможет найти с племянником общий язык. Нужно было думать, как сделать так, чтобы и государство было в надёжных руках, ведь от этого зависела и её жизнь, и жизнь подданных, которых она, может, и не любила, но чувствовала большую ответственность за них.

Ко всему прочему, ей совсем не хотелось отпускать Сююм обратно домой — настолько сильно она к ней привязалась. Та заменила ей потерянного много-много лет назад ребёнка, и сейчас, когда она привязалась к ней как к родной дочери, не хотела терять ту нерастрченную материнскую любовь, которая выжидала своего часа в её сердце. Бике поднялась к себе в покои и долго-долго думала, глядя в бескрайние просторы горизонта, где также продолжали подниматься клубы дыма от домов, соединяя небо и землю словно волшебный мост между двумя мирами.

Глава 3

Утром следующего дня старшая ханбике без предупреждения вошла в покои хана. Он всё ещё спал на окровавленном ложе, слегка посапывая. Она встала напротив и долго стояла, молча ожидая, пока хан проснётся. Взгляд её скользил по хаосу, что царил в покоях повелителя. Ей было горько и обидно: все её старания устроить прекрасную жизнь племяннику, самой судьбой предначертанную, волею Всевышнего не увенчивались успехом.

В памяти всплыли горькие события, случившиеся с ней, когда ей было семнадцать лет. После смерти Тахира и её нерождённого дитя она возненавидела брата, считая его самым скверным человеком на земле, и задумала во что бы то ни стало отомстить ему.

В то время московский князь вел войны на западе своего княжества, а так как Абдул-Латиф присягнул ему на верность, казанский хан был вынужден собираться в поход для поддержки московского князя. Приготовления шли больше полугода, и за этот период Казань посетила Нур-Султан — мать Абдул-Латифа и Гуахаршад. Она была безумно рада, что ее младший сын взошел на трон Казанского ханства, а дочь стала женой самого влиятельного улу-карачи Кель-Ахмета Ширина. Много говорила она и про своего старшего сына, который был свергнут с трона Казанского ханства и

сейчас правил уездами недалеко от Москвы. Она была горда своими детьми и сказала, что теперь собирается навестить старшего сына, а затем и самого князя Василия Третьего, дабы взять с него наказ, что казанский трон навеки останется за ее потомками.

Гуахаршад очень понравилась эта мысль. Ведь она не хотела более видеть, а тем более жить рядом с Абдул-Латифом. Она считала, что во что бы то ни стало должна отомстить брату, и когда хан уехал в поход, она решила написать донос московскому князю о неверности казанского хана. Это послужило причиной очередного переворота, и на трон был возведен старший брат ханум — Мухамед-Эмин.

Вскоре, не дрогнув рукой, она устроила заговор против своего мужа Кель-Ахмета, и его казнили на центральной площади города. Все враги пали перед ней, но это не сильно облегчило боль в душе ханши.

Шестнадцать лет провел на троне старший брат, вплоть до самой смерти, но наследников так и не оставил. Тогда князь Василий при поддержке знати Казанского ханства посадил на трон родственника династии Нур-Султан — хана Шах-Али.

Гуашархад приходилась двоюродной теткой новому хану, но, привыкшая быть всегда рядом с братом, посвященная во все дела государства, вдруг она осталась не у дел. Сначала она приняла свое положение, поскольку продолжала дружить со своим пасынком Булатом Ширином, который так и

остался влиятельным беком при смене власти. Несмотря ни на что, эту дружбу Гуашархад смогла пронести через всю свою жизнь, и Булат оставался верным соратником ей до сих пор, всегда рассказывая ханше как обстоят дела на самом деле.

Ханы сменяли друг друга, и ханшу все дальше и дальше отстраняли от государственных дел, что ей, безусловно, не особо нравилось.

А семь лет назад, во время правления Сафа-Гирея, в Казань привезли Джан-Али. После смерти его матери некому было о нем позаботиться, и он был сослан в Казань как представитель династии. Гуахаршад хотела заменить ему мать, вкладывала силы в его образование, физическое развитие, но попытки были тщетны. Он предпочитал проводить время в забавах и отдыхе.

В результате очередного переворота, устроенного знатью, на трон было решено посадить юного Джан-Али, а регентшей при нем сделать Гуахаршад. Вельможи и предположить не могли, как изменит эта ситуация ханшу. Она, всегда бывшая в тени своих братьев, вдруг встала номинальным правителем такого родного, любимого ханства.

Конечно, не без верного Булата Ширина она полностью погрузилась в дела государства, и даже воспитание племянника все меньше тревожило ее ум. Она потакала всем его прихотям, стараясь как можно дальше держать его от дел.

Сейчас она стояла и смотрела на результат своего тво-

рения. Пьяный, необузданный юноша, жестокий, лежал в роскошной постели. Она сразу поняла, что виновником его пьянства является Фидан — больше просто некому было приносить горячительные напитки ему в комнату, так как она строго-настрого запретила держать во дворце любимую забаву племянника.

Вскоре Джан-Али начал приходить в себя и был крайне удивлен, увидев Гуахаршад в своих покоях.

— Что ты здесь делаешь? Как ты посмела войти сюда без моего позволения? — выкрикнул он.

Она молча смотрела на него, не отвечая на его грубые речи.

— Как посмела ты зайти сюда? Выйди вон! — не унимался хан.

Но Гаухаршад, как каменная скала, стояла и смотрела на все это убожество, которое происходило перед ней.

— Моя голова... Как же у меня болит голова, — продолжал он, держась за виски и обводя взглядом ложе. А потом посмотрел на себя: — Чья это кровь? — вздрогнул он. — Что здесь случилось?

Тут Гуахаршад не выдержала и сказала:

— Ты что, не помнишь, что произошло ночью?

— Уйди отсюда! Я не хочу тебя видеть!

— Это ты во всем виноват! Твоя жена сейчас лежит в лазарете и не может прийти в сознание! Что ты сотворил с ней?

— Моя жена? Что с ней? — удивленно спросил Джан-

Али.

В его сознании начали всплывать картинки вчерашнего вечера, но никакого сожаления его воспоминания, хоть и неполные, ему не приносили.

— Это ты виновата, что это произошло! Я уже вырос, а ты не даешь мне стать взрослым! Это всё ты! — выкрикнул он.

Ханбике не смогла стерпеть слов падишаха. Она просто развернулась и пошла к выходу. Обернувшись, она сказала ему:

— Ты горько пожалеешь о том, что сделал.

И вышла из комнаты вон.

Несколько дней Гуахаршад практически не выходила из своих покоев, погруженная в размышления о своих намерениях. Лишь пару раз в день она навещала юную ханшу в лазарете, которая так и не приходила в сознание. Врачи делали всё возможное, но большая потеря крови и достаточно глубокие раны оставили её неподвижной. Тем временем законный муж даже ни разу не справился о её здоровье, продолжая упиваться своим мнимым могуществом в окружении наложниц.

А в голове у старшей ханбике всё же созрел план дальнейших действий. Мысль о том, чтобы вернуть жизнь государства в прежнее русло, заставляла её сердце сжиматься от глухой неприязни. И всё же, заглушая это чувство, росла ледяная, пугающая ясность: возвращение Сафа-Гирея — не просто выход, это единственно верный путь. Она знала, что на-

род, вопреки её страхам, помнит его не только своевольным властителем. В их глазах он оставался правителем, который, как бы то ни было, заботился о стране. И самым горьким, самым сокроуенным было то, что именно его — этого непокорного, чужого ей человека — безмолвно выбрало сердце юной ханбике. И даже страх потерять власть не был для неё уже столь велик.

Спустя пять дней израненная девушка наконец пришла в себя. Открыла глаза — боль уже стихла, но всё ещё чувствовалась. Вставать лекари не разрешили, и она осталась лежать в постели.

Как только доложили, что она очнулась, старшая ханум тотчас примчалась в лазарет. Все эти дни её не решались перенести в свои покои.

— Ох, моя дорогая! Как же ты меня напугала! — воскликнула она, склоняясь над постелью. — Ты прости, что не уберегла тебя. Не могла я подумать, что такое может случиться. Но я более никогда не дам тебя в обиду!

Она обняла девушку и долго-долго прижимала к своей груди, касаясь щекой её волос и нежно целуя. Так могла обнимать только мать свою дочь.

Вечер опустился на Казань быстро, как всегда бывает поздней осенью. Гуахаршад сама назначила встречу главному карачи дивана в дальнем углу сада, где даже преданные слуги появлялись редко. Булат пришёл, бесшумно ступая по пожухлой листве, и остановился в двух шагах, ожидая, когда

ханбике заговорит первой.

Она долго молчала, всматриваясь в тени, сгущавшиеся между голыми ветвями.

— Ты знаешь, что происходит во дворце, — наконец произнесла она тихо, не оборачиваясь.

— Знаю, — ответил Булат так же тихо. — Весь город знает. Ханскую жену едва отходили, а сам хан... — он помедлил, подбирая слова, — ...не помнит о её существовании.

Гуахаршад резко повернулась. В полумраке её глаза блеснули холодно и решительно.

— Он не просто не помнит. Он не способен править. Никогда не был способен. А теперь, когда почувствовал себя «взрослым», как он выразился, — она с трудом сдержала горькую усмешку, — мы получим лишь новые бедствия.

Булат шагнул ближе.

— Ты что-то задумала. Я вижу это по твоему лицу. Говори.

Гуахаршад помедлила лишь мгновение. Если она не доверится ему сейчас, то не доверится никому.

— Сафа-Гирей.

Имя упало между ними, как камень в тихий пруд. Булат вздрогнул, но не перебил.

— Народ его помнит, — продолжила ханбике, и в голосе её зазвучала сталь. — Вельможи тоже не забыли, как при нём ханство крепло. А то, что мы с тобой знаем о его своенравии... — она махнула рукой. — Своенравный пра-

витель лучше безвольного. Джан-Али принесёт только позор и кровь. Ещё больше крови.

— Ты предлагаешь вернуть его? — Булат говорил медленно, взвешивая каждое слово. — Но как? Он в изгнании. Московский князь...

— Московский князь далеко, — перебила Гуахаршад. — А мы здесь. И знать, если подойти к ней с умом, поддержит. Не все, конечно. Его поддержат крымские пройдохи, если пообещать им места при новом хане... — она сделала паузу. — Ты знаешь этих людей. Кто продастся, а кто останется верным до конца?

Булат покачал головой, но в глазах его уже загорался ответный огонь.

— Я все устрою моя госпожа. Мой род... — он запнулся. — Мой род пойдёт за мной.

— А Фидан? — Гуахаршад назвала имя женщины, которая приносила Джан-Али вино, и в голосе её появилась ледяная нотка. — Она слишком близко к племяннику. Слишком много позволяет себе.

— Фидан... — Булат нахмурился. — Она опасна. Но убрать её сейчас — значит обречь себя на непредсказуемость хана.

— Я не говорю «убрать», — Гуахаршад покачала головой. — Пока не говорю. Но когда Сафа-Гирей вернётся... она сама побежит прятаться. Если успеет.

Повисло молчание. Где-то вдали залаяла собака, ветер

шевельнул сухие листья у их ног.

— Ты понимаешь, — тихо сказал Булат, — что если мы начнём это, обратного пути не будет. Либо мы приведём его и удержим власть, либо...

— Либо нас не станет, — закончила за него Гуахаршад.
— Я знаю.

Она подняла голову и посмотрела на звёзды, только начинавшие загораться в тёмном небе.

— Столько лет я была в тени. Меня, единственного кровного потомка Улу-Мухамеда отодвигали раз за разом. А сейчас, когда я наконец получила возможность править, — её голос дрогнул, но лишь на миг, — я вижу, что правила пустотой. Джан-Али — это не хан. Это маска, за которой ничего нет. И если я оставлю всё как есть, моё ханство развалится. Я не для того столько лет боролась, не для того... — она осеклась, не договорив.

Булат подошёл совсем близко и положил руку ей на плечо — жест, который позволил бы себе только самый верный и близкий друг. Уже много лет их общение было лишено всяких фамильярностей, хорошо понимая друг друга и следуя одним идеалам они рука об руку шли по этой жизни. И если бы судьба не сыграла злую шутку с ними, много много лет назад, возможно они были бы самыми счастливыми супругами, разделяя не только общие интересы, но и семейный очаг.

— Я с тобой, — сказал он просто. — Что нужно делать?
Гуахаршад повернулась к нему, и в её глазах блеснула бла-

годарность.

— Найди людей, которые смогут тайно передать весть Сафа-Гирею. Тех, кто умеет молчать. И тех, кто помнит старые времена и готов их вернуть. А я... — она перевела дыхание. — Я поговорю с теми из знати, кто ещё колеблется. Поодиночке. Тихо. Как с тобой сейчас.

Булат кивнул.

— А если Джан-Али узнает?

Гуахаршад усмехнулась — впервые за многие дни.

— Он узнает только тогда, когда Сафа-Гирей будет у ворот Казани. А до тех пор... — она посмотрела в сторону освещённых окон ханского дворца. — До тех пор пусть тешит себя мыслью, что он взрослый.

Они разошлись в разные стороны, бесшумно, как тени. И только сухие листья ещё долго кружились на том месте, опускаясь на замерзшую землю, где стояли двое заговорщиков.

Всё шло своим чередом. Раны Сююмбике потихонечку затягивались, но хан велел переселить Сююмбике в какие-нибудь дальние комнаты, чтобы он не пересекался с ней. Гуахаршат решила, что самым лучшим укромным местом, где Сююмбике сможет поправиться, будут её покои — с видом на её маленький сад, куда приходит она каждый день, чтобы почтить память своих любимых и близких: возлюбленного и ещё нерождённого сыночка.

Когда Сююм наконец смогла встать, Гуахаршат отвела её в те дальние покои.

— Вот это мои покои. Сююм, теперь они твои, — сказала старшая ханбике. — Мы можем здесь сделать всё, как ты захочешь. Любые украшения, всё, что ты пожелаешь. Лишь бы ты была в них счастлива. Я назвала их «сыену», что означает «убежище». Ведь здесь я провела много-много дней, скрывшись от всех людей, переживая боль своего сердца. Надеюсь, эти покои будут для тебя убежищем от горестных воспоминаний и сделают тебя счастливой. Это были небольшие покои, состоящие из двух комнат. Когда-то давным-давно Абдул-Латиф перестроил их для своей сестры. Они располагались на первом этаже, в дальней части дворца, куда редко заглядывали посторонние.

Изначально здесь была одна большая комната с тремя окнами, выходящими на дорогу дворцового сада. Но чтобы скрыть позор своей сестры, Абдул-Латиф велел заложить эти три окна наглухо. Камнем и глиной замуровали свет, который когда-то лился в комнату, оставив лишь неровные швы на стенах — молчаливое напоминание о том, что когда-то здесь было иначе.

Вместо них он приказал прорубить два новых окна и балкончик, но уже на другой стене — той, что выходила во внутренний садик, хотя когда то это был просто закоулок, а сад разбила в этом месте старшая ханбике только после смерти брата. Балкончик ограждала кованая решетка, и с него открывался вид на сад, окруженный высоким глухим забором. Часть забора, что видна со стороны улицы, была сложен из

камня и поднимался выше человеческого роста, скрывая от мира всё, что происходило внутри, и многие даже не догадывались, что за стеной находится прекрасный сад в память о гибели всей любви Гуахаршат.

Абдул-Латиф задумал это с жестокой расчетливостью. Выходя на балкон, сестра должна была всегда помнить о своём грехе. Каждый раз, когда её взгляд падал на глухой забор, отрезающий её от мира, она вспоминала о своём позоре. Каждый шаг по маленькому балкону, каждое прикосновение к холодной решетке напоминало ей о казни техохранителя. Это была его месть — не убийством, не изгнанием, а медленным, тягучим наказанием, которое длилось день за днём, год за годом.

Саму комнату он велел разделить стеной на две части. В первой, той, что с балкончиком и окнами, должна была жить сама сестра. Вторая, поменьше, предназначалась для служанок. Но там не было окон вовсе — ни единого луча света не проникало в ту комнату. Только слабый отсвет из первой половины, когда дверь оставалась открытой, да масляная лампа, коптившая по ночам.

Так никто, даже прислуга, не мог случайно увидеть что-то лишнее или узнать о позоре, произошедшем в семье великой династии. Тайна была замурована в этих стенах вместе с заложенными окнами. Годы спустя покои опустели, но тяжесть, оставшаяся здесь, будто не выветрилась до конца. Казалось, сами камни хранили память о той, чью жизнь превра-

тили в молчаливое наказание. Гаухаршад решила, что должна сделать эти покои более праздничными. Когда она сама уже не жила здесь, она велела прорубить обратно окна, замурованные когда-то Абдул-Латифом. Каменщики трудились несколько дней, разбирая старую кладку, и когда первые лучи солнца наконец хлынули в комнату, Гаухаршад стояла посреди покоев и чувствовала, как вместе со светом в эти стены возвращается что-то давно утраченное — надежда, что ли, или просто забвение той старой боли.

Она сделала там ремонт. Стены побелили заново, на пол постелили мягкие ковры, привезённые из дальних земель. Вместо тяжёлых тёмных занавесей, которые когда-то висели здесь, она выбрала лёгкие, светлые ткани, что колыхались от малейшего дуновения ветра из распахнутых окон. На подоконниках появились глиняные горшки с цветами — зимой их убирали в тепло, но с первыми весенними днями снова выставляли на солнце. Комнату наполнили сундуки с резными узорами, низкие столики из светлого дерева, мягкие подушки для сидения.

Она думала о том, что когда-либо эти покои сыену смогут стать убежищем для неё самой или для кого-то другого, но в них не будет столько печали, столько темноты, сколько было здесь, когда она сама была хозяйкой этого угла в доме.

Гаухаршат редко заходила сюда после того, как закончила переделку. Но каждый раз, когда ей случалось проходить мимо, она задерживалась на мгновение у дверей и слушала

тишину. Она больше не давила на плечи, как прежде. Теперь это были просто покои — светлые, спокойные, готовые принять того, кому суждено будет в них жить.

И когда она привела сюда Сююмбике, она впервые за много лет почувствовала, что этот уголок дома наконец обрёл своё истинное предназначение. Не для наказания. Не для заточения. Для жизни. — Спасибо, моя госпожа, — ответила ей Сююм. — Мне очень приятно, что вы так заботитесь обо мне. И я очень хотела написать письмо своему отцу. Вы позволите мне?

От такого заявления старшая ханбике очень сильно растерялась. Она боялась, что Сююм расскажет обо всём, что случилось с ней, и Юсуф-бий, не ровен час, совершит необдуманный поступок, который приведёт к развалу государства, войнам и бедам.

Гуахаршат на мгновение замялась, подбирая слова. Сказать «нет» значило вызвать протест юной ханши, сказать «да» — рисковать всем.

— Конечно, дитя моё, — наконец ответила она с мягкой улыбкой, за которой пыталась скрыть тревогу. — Ты можешь написать отцу. Но... — она сделала паузу, погладив Сююм по руке, — может быть, не стоит тревожить его подробностями? Скажи, что ты здорова, что о тебе заботятся. А когда окрепнешь полностью, мы придумаем, как объяснить ему всё остальное. Мужчины иногда так горячи, а нам с тобой нужен мир, не так ли?

Сююмбике посмотрела на неё с благодарностью, но в глубине её глаз мелькнуло что-то, чего Гуахаршат не смогла прочесть.

— Не беги отсюда, моя родная. Пока ты была в беспамятстве, я многое пыталась понять, и у меня были видения, что ты будешь счастлива в этом доме, что у тебя будет сын и ты будешь замужем — любимой, верной, доброй женой. Не беги отсюда, я тебя очень прошу. Пусть всё поутихнет. Я обещаю, что скоро здесь всё изменится.

Сююмбике посмотрела на старшую ханбике и только прикрыла глаза:

— Я очень устала и хочу полежать. В этих покоях меня всё устраивает, и я пока ничего не хочу здесь менять. Пусть остаётся всё как есть.

Гуахаршат с облегчением покинула покои, оставив девушку одну. Но уже на следующий день, когда старшая ханбике вошла в покои, чтобы провести младшую госпожу, она застала её сидящей у окна с пером в руке. Перед ней лежал наполовину исписанный лист.

— Ты уже начала письмо? — спросила Гуахаршат, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Сююмбике подняла на неё глаза. В них стояли слёзы.

— Я не знаю, что писать, госпожа. Если я расскажу правду, отец пойдёт войной на Казань. Если умолчу... — она опустила взгляд на свои руки, всё ещё слабые после болезни. — Если умолчу, значит, я предаю саму себя.

Гуахаршат медленно подошла и села рядом. Сердце её колотилось, но лицо оставалось спокойным.

— Ты мудрая девочка, Сююм, — тихо сказала она. — Ты понимаешь то, что некоторые взрослые не понимают годами. Правда иногда приносит больше бед, чем ложь. Но и ложь... — она покачала головой. — Ложь тоже имеет цену.

Сююмбике посмотрела на неё долгим взглядом.

— А вы бы что сделали на моём месте, госпожа?

Гуахаршат отвела глаза. Вопрос ударил прямо в сердце. Она вспомнила себя в семнадцать лет — такую же растерянную, полную боли и жажды мести.

— Я... — начала она и осеклась. — Я бы написала правду. И разрушила бы всё вокруг. А потом жалела бы об этом всю жизнь.

Она взяла перо из рук Сююмбике и отложила в сторону.

— Дай себе время, дитя. Не сейчас. Когда раны заживут совсем, когда ты окрепнешь и телом и душой, тогда и решишь. А пока... пока побудь здесь. Сад скоро укутается белым нежным ковром, погружая все в глубокий безмятежный сон. Пусть этот сон принесет успокоение твоей душе.

Гуахаршат обняла её, чувствуя, как хрупкое тело доверчиво прижимается к ней, а потом взяла её за руки. И впервые за много дней в груди у неё потеплело. Но мысль о письме, не давала покоя.

Сююмбике долго молчала, глядя на руки старшей ханбике, сжимающие её ладони. В покоях было тихо, только ветер

едва слышно шелестел за окном да где-то вдалеке каркали сороки.

— Вы правда верите, что можно искупить грехи чужим счастьем? — тихо спросила она наконец, поднимая глаза на Гуахаршат. В её взгляде не было упрёка, только усталая мудрость, не свойственная её юным годам.

Гуахаршат вздрогнула, но не отвела взгляда.

— Я не знаю, дитя, — честно ответила она. — Но я знаю, что, когда смотрю на тебя, во мне просыпается что-то, чего я не чувствовала уже много лет. Надежда, кажется. Или просто усталое сердце ищет покоя.

Сююмбике высвободила одну руку и осторожно коснулась щеки старой женщины.

— Вы не старуха, госпожа, — сказала она с лёгкой улыбкой. — Вы сильная. Я видела, как вы входите в зал дивана, как говорят с вами вельможи, как слуги замирают при вашем появлении. Вы правительница. А правительницы не просят о помощи. Они приказывают.

— Тебе я не могу приказывать, — покачала головой Гуахаршат. — Только просить.

Сююмбике опустила глаза и снова замолчала. А когда заговорила, голос её звучал твёрже:

— Я останусь. Не потому, что вы просите, и не потому, что боюсь отца или своего мужа. Я останусь, потому что... — она запнулась, подбирая слова. — Потому что здесь, в этом доме, где меня едва не убили, я вдруг почувствовала,

что нужна. Вам. А может, и ещё кому-то. И если моё счастье может стать чьим-то искуплением... — она посмотрела на Гаухаршат с непривычной для неё твёрдостью, — пусть так и будет. Но помните, госпожа: вы обещали мне изменить мою жизнь. Я буду ждать.

Гаухаршат прижала её руку к своей груди, туда, где бешено колотилось сердце.

— Я сделаю всё, девочка моя. Всё, что в моих силах. Клянусь памятью своего нерождённого сына.

Впервые за долгие годы она произнесла эту клятву вслух. И почувствовала, как что-то сдвинулось в её душе — словно камень, лежавший на сердце много лет, вдруг стал чуточку легче.

Снежными одеялами укутало Казанское ханство, но внутри самого государства происходили важные изменения. День за днем Гаухаршад со своим верным другом Булатом Ширином готовили заговор против Джан-Али. День ото дня они уговаривали все больше и больше сановников и других деятелей государства поддержать возвращение Сафа-Гирея на престол Казанского ханства. Многим это не нравилось, поскольку хан при своем первом правлении намеревался произвести многие реформы, что значительной мере ухудшило бы их положение. Но Гаухаршад и Булат Ширин пытались всячески заверить, что с приходом Сафа-Гирея их положение только улучшится.

В то время Сафа-Гирей, обрадованный таким положени-

ем дел, изо всех сил стремился найти сторонников среди крымской знати, откуда он сам был родом, и написал письмо Гуахаршат.

От Сафа-Гирея, законного правителя Казанского ханства, пребывающего ныне в Крыму, — старшей ханбике Гуах ара ш ат, да продлит Всевышний её дни.

Многоуважаемая Гуа хари ат,

Весть, которую я получил от ваших людей, заставила моё сердце биться быстрее. Знаю, чего вам стоило решиться на этот шаг. Знаю и цену.

Я не буду писать длинных речей — не люблю тратить слова попусту. Скажу прямо: если Всевышнему будет угодно вернуть меня на трон Казанский, вы не останетесь в накладе. Я помню, кто помогал мне в трудные времена, и умею быть благодарным.

Сейчас я веду переговоры с крымской знатью. Многие из них готовы поддержать меня — одни деньгами, другие людьми. К весне у меня будет достаточно сил, чтобы войти в Казань не просителем, а правителем. Но мне нужно знать точно: сколько сановников на нашей стороне? Кто колеблется, а кто мне верен? Вы знаете этих людей лучше меня.

Ещё один вопрос, который тревожит моё сердце. До меня дошли слухи о юной ханбике, что живёт сейчас в ваших покаях. О Сююмбике. Говорят, она пережила страшные дни при нынешнем хане. Если это правда, я клянусь, что, войдя

в Казань, защищу её от любых обид. Ни один волос не упадёт с её головы.

Жду от вас вестей. Берегите себя. Нам ещё многое предстоит сделать.

С уважением и надеждой на скорую встречу, Сафа-Гирей

Письмо Сафа-Гирея обрадовало ханшу больше, чем она готова была признаться даже самой себе. В каждой его строке она угадывала не просто желание вернуть трон, но подлинную волю к власти, ту самую, что отличает истинных правителей от тех, кто лишь занимает место. Однако сердце её дрогнуло от иного — он вспомнил о Сююм. Вспомнил, назвал по имени, обещал защиту. И тогда в душе Гаухаршад впервые шевельнулась мысль, от которой одновременно веяло теплом и холодком: а что, если между Сафа-Гиреем и юной ханбике может возникнуть не просто политический союз, но нечто большее? Что, если эти двое, столь разные, смогут стать друг для друга опорой?

Но тут же её разум воспротивился. У Сафа-Гирея уже было четыре жены. Четыре женщины до Сююм. И Гаухаршат слишком хорошо знала, как устроены дома, где правят гаремы. Она вспомнила их разговор с Сююмбике — тот, что случился тихим вечером, когда девушка, ещё слабая после болезни, впервые открыла ей свою душу. Рассказывала об отце и матери, о том, как они смотрели друг на друга — не как правитель и наложница, а как два сердца, бьющихся в унисон. «Я такой же любви хочу, госпожа», — прошептала тогда

Сююм, и в глазах её светилась такая чистая вера в любовь, что у Гаухаршад сжалось сердце.

При четырёх жёнах такая любовь невозможна. Она знала это. Знала слишком хорошо.

И всё же разум подсказывал другое. Сафа-Гирей, при всех его недостатках, был фигурой. Сильной, решительной, способной удержать власть. Но удержать её для кого? Для Москвы или для Крыма? Гаухаршад всю жизнь придерживалась промосковской политики — в этом она видела залог стабильности, торговли, мира на границах, при том что ее родная мать была женой крымского хана. Все эти годы удавалось сохранять некий баланс. Сафа-Гирей же смотрел в другую сторону, и это не могло не тревожить.

Однако были у неё и иные знания, те, что не укладывались в привычные представления о политике. Видения никогда не обманывали её. Сколько раз за свою жизнь она убеждалась в этом? И в них она видела: судьба Казанского ханства какими-то незримыми, почти мистическими нитями связана с Москвой. Что бы ни происходило, как бы ни менялись ханы, эта связь оставалась нерушимой. Но в тех же видениях она видела и другое: Сафа-Гирей во второй раз входит в ворота Казани. Народ встречает его. Он снова становится ханом.

Противоречие разрывало её. Если она пойдёт против видений — не воспротивится ли она тем самым воле Всевышнего? Если последует за ними — не предаст ли свои убеждения и, что ещё страшнее, не обречёт ли Сююм на жизнь,

полную унижений и соперничества?

Ночь уже опустилась на Казань, а в покоях старшей хан-бике все ещё теплился огонёк свечи. Гаухаршад все сидела у окна, положив перед собой письмо Сафа-Гирея. Она перечитывала его уже в который раз, вглядываясь в каждую букву, словно надеясь найти между строк ответы на мучившие её вопросы, одни и те же мысли кружили в её голове..

За окном снег мягко укутывал дворцовый сад. Тишина стояла такая, что было слышно, как потрескивает фитиль свечи. Но в душе у ханши этой тишины не было.

Она вспомнила, как сама когда-то была молодой, как мечтала о любви, о верности, о том, чтобы муж смотрел только на неё. Судьба распорядилась иначе. Но Сююм... Сююм она хотела другой доли.

И тут же в голову пришли другие мысли, более трезвые, более горькие.

«Но кто я такая, чтобы выбирать для неё судьбу? Разве моя жизнь была такой уж счастливой, чтобы я могла судить, что лучше?»

Гаухаршад встала и медленно прошла по комнате. Тени плясали на стенах, и ей казалось, что в них мелькают лица прошлого — братья, муж, нерождённый сын...

Она остановилась перед маленьким сундуком, где хранила самые дорогие вещи. Открыла, достала старый, пожелтевший платок, что когда-то принадлежал её возлюбленному.

Прижала к груди.

— Любимый, — прошептала она. — Как же мне поступить?

Ответа не было, только ветер за окном жалобно завыл, взметнув снежную пыль.

Она вернулась к окну, снова взглянула на письмо. Потом перевела взгляд на другую сторону комнаты, туда, где на маленьком столике лежал другой свиток — старый, почти забытый. Это было письмо из Москвы, много лет назад присланное ей от одного из княжеских бояр. Тогда она ещё надеялась, что Казань сможет жить в мире с Москвой, торговать, крепнуть...

«А теперь я сама веду переговоры с крымским ставленником», — горько усмехнулась она. — «Что бы сказал мой любимый братец, увидев меня сейчас? Мухамед-Эмин, который столько лет держался Москвы... Он бы не понял. Или понял бы?»

Она провела рукой по лицу, словно пытаясь стереть усталость.

«Но видения... Видения никогда меня не обманывали. Я видела Сафа-Гирея у ворот Казани. Видела, как народ встречает его. Значит, такова воля Всевышнего. А если такова воля Всевышнего... кто я такая, чтобы ей противиться?»

Она прижалась лбом к холодному стеклу. Снежинки кружились в темноте, падали, укрывали землю белым саваном.

— Но Сююм... — прошептала она. — Зачем же ты, Все-

вышний, дал мне эти видения о её счастье с ним? Или я что-то поняла не так? Или...

Она резко обернулась, словно кто-то окликнул её. Но в комнате никого не было. Только свеча догорала, отбрасывая последние трепещущие лучи.

Гаухаршад села обратно, взяла перо. Надо было писать ответ. Но рука замерла над листом.

«Если я поддержу его приход к власти, я предам свои убеждения. Если не поддержу — предам видения. А если ещё и Сююм отдам за него... Стану ли я тогда лучше тех, кто торгует людьми ради власти?»

Она отложила перо и закрыла глаза. В темноте перед ней снова возникло лицо Сююмбике — молодое, красивое, но такое печальное. И другое лицо — Сафа-Гирея.

— Союз политических соратников... Или семейные узы? — прошептала она. — А может, всё вместе? Или ничего? А как же Джан-Али, он же законный супруг. Как им развестись? Нужно все уточнить у Куш-Шарифа!

Она взяла письмо Сафа-Гирея и перечитала последние строки: «Ни один волос не упадёт с её головы».

— Слова, — тихо сказала она. — Красивые слова. Но что за ними? Гарем? Чужие дети? Соперничество?

Она сжала письмо в руке, едва не смяв его. Потом медленно разгладила.

— Нет, — решила она. — Не сейчас. Я не отвечу ему сразу. Пусть подождёт. А я... я должна узнать мысли Сююм об

этом всем! Может быть, Всевышний пошлёт мне ещё одно видение. Может быть, я пойму, как совместить невозможное.

Она подошла к постели, легла, но не закрывала глаз. Взгляд её был устремлён в потолок, где сплетались тени и свет.

Свеча догорела, и комната погрузилась во тьму. Только снег продолжал падать за окном, укрывая город, укрывая тайны, укрывая сомнения старой ханбике, которая никак не могла найти покоя между долгом, верой и любовью.

На следующее утро Гаухаршад долго не решалась войти в покои «сыену». Она стояла у двери, прислушиваясь к тишине за ней, и всё никак не могла найти нужных слов. Но откладывать дальше было нельзя — время работало против неё, и чем скорее она узнает, чего хочет сама Сююмбике, тем лучше.

Она толкнула дверь и вошла.

Сююмбике сидела у окна, закутанная в тёплый халат, и смотрела на сад, где снег уже начал понемногу оседать, обнажая тёмные ветви деревьев. При звуке шагов она обернулась, и на лице её появилась лёгкая, спокойная улыбка.

— Доброе утро, госпожа, — сказала она, делая движение, чтобы встать.

— Сиди, сиди, — Гаухаршад жестом остановила её и села рядом. — Ты сегодня хорошо выглядишь. Отдых пошёл тебе на пользу.

— Да, — кивнула Сююмбике. — Ваши покои... они будто лечат. Я чувствую себя сильнее.

Гаухаршад взяла её руку в свои, погладила тонкие пальцы. Молчание затягивалось, и девушка, чувствуя, что старшая ханбике не просто так пришла, спросила:

— Что-то случилось, госпожа? Вы какая-то... тревожная сегодня.

— Я должна поговорить с тобой, дитя моё, — начала Гаухаршад, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — О том, что ждёт нас всех впереди. И о том, что касается тебя лично.

Сююмбике насторожилась, но не отвела взгляда.

— Знаешь, что я готовлю перемены в ханстве, — продолжила Гаухаршад. — Джан-Али... он не способен править. Ты сама знаешь это лучше других.

При упоминании имени мужа Сююмбике вздрогнула и отвела глаза в сторону. Её пальцы в руке Гаухаршад чуть заметно напряглись.

— Я не стану сейчас говорить о том, что он сделал с тобой, — мягко сказала старшая ханбике. — Это слишком свежая рана. Я говорю о другом. О том, кто придёт ему на смену.

Она помолчала, собираясь с духом.

— Я веду переговоры с Сафа-Гиреем. Ты знаешь его?

Сююмбике подняла глаза. В них мелькнуло удивление, смешанное с любопытством.

— Я... слышала о нём. Он уже был ханом до Джан-Али. Его свергли, кажется, знатные люди... — она запнулась. — Я

знаю его, — тронула она рукой, былой маленький шрамчик, появившимся при её встрече с Сафа — Гиреем. — Я была совсем девочкой, когда он правил.

— Он был сильным ханом, — сказала Гаухаршад. — Непокорным, своенравным, но сильным. Народ его помнит. И я думаю... я думаю, что он сможет вернуть Казани ту силу, которую она потеряла за последние годы.

Сююмбике молчала, внимательно глядя на собеседницу. Казалось, она уже начинала догадываться, куда клонит разговор.

— В его письме ко мне, — медленно продолжила Гаухаршад, — он спросил о тебе. Сказал, что защитит тебя от любых обид. Что ни один волос не упадёт с твоей головы.

— Это... — Сююмбике опустила глаза, и на щеках её выступил лёгкий румянец. — Это благородно с его стороны.

— Он проявил к тебе интерес, — сказала Гаухаршад прямо. — И я думаю... я хочу спросить тебя, готова ли ты... согласилась бы ты стать его женой, если он вернётся на трон?

Сююмбике замерла. На несколько мгновений в комнате воцарилась такая тишина, что стало слышно, как за окном падает снег с веток.

— Вы предлагаете мне выйти замуж, но я все еще жена Джан-Али? — тихо спросила она.

— Я не предлагаю, я спрашиваю, — поправила её Гаухаршад. — Твоя воля для меня важна, Сююм. Ты не игрушка в моих руках. Ты стала мне дорога, и я не хочу, чтобы ты

снова страдала.

Сююмбике подняла на неё глаза. В них стояли слёзы, но она сдерживала их из последних сил.

— Вы знаете, чего я хочу, госпожа? — сказала она, и голос её дрогнул. — Я хочу того, что было у моих родителей. Моя мать рассказывала мне... она говорила, что отец смотрит на неё так, будто во всём свете нет ни одной другой женщины. Что они советовались друг с другом, делили и радости и горести. Что она ему не просто жена, а... друг. Самая близкая душа.

Она выдернула руку из ладоней Гаухаршад и сжала пальцы в кулак, словно пытаясь удержать эти слова, не дать им разлететься.

— А Джан-Али... — она запнулась, и голос её стал глухим. — Ему всё равно, жива я или мертва. Но я все равно закована в узы брака с ним.

Слёзы всё же потекли по её щекам, но она не вытирала их.

— Я выжила. Я здесь. И я... — она перевела дух, — я не хочу больше быть игрушкой. Я не хочу выходить замуж за человека, у которого итак уже четыре жены, потому что ему нужен союз, а не я. Потому что он смотрит на меня и видит не женщину, а выгоду.

— Сафа-Гирей сказал, что защитит тебя, — тихо произнесла Гаухаршад.

— Защитит, — горько усмехнулась Сююмбике. — Как защищают слабую? Как защищают вещь? — она содрогнулась

и замолчала.

Гаухаршад обняла её, прижимая к себе, чувствуя, как содрогается тело девушки от беззвучных рыданий.

— Тише, тише, моя родная, — шептала она, глядя её по волосам. — Я не заставляю тебя. Я только спрашиваю. Твоё слово будет решающим.

Сююмбике отстранилась, вытерла слёзы тыльной стороной ладони и посмотрела на старшую ханбике с неожиданной твёрдостью.

— Я не против выйти замуж, госпожа, — сказала она. — Я понимаю, что так устроен наш мир. Женщина должна быть за мужем, иначе она ничто. Но я... я не смогу делить мужа с другими женщинами.

Она сжала губы, словно боясь сказать лишнего, но потом всё же продолжила:

— Я уже получила свой урок. Джан-Али... — Она отвернула ворот тёплого халата, оголив шею и часть груди, — взору открылся уродливый шрам, тянувшийся от самой шеи вниз.

Она посмотрела Гаухаршад прямо в глаза.

— Если Сафа-Гирей хочет взять меня в жёны, пусть берёт. Но я не буду жить в гареме, госпожа. Я не буду ждать, когда он вспомнит обо мне, стоя в очереди. Тогда я просто уеду из дворца. Я лучше останусь одна, чем снова превращусь в тень.

Гаухаршад смотрела на неё и чувствовала, как в груди разливается тепло. Эта девочка, такая юная, такая хрупкая, пе-

режившая столько боли, нашла в себе силы сказать это. Сказать, что она достойна большего.

— Ты права, — тихо сказала Гаухаршад. — Ты права, Сююм. Ты не игрушка и не вещь. И я... я не допущу, чтобы ты снова оказалась в таком положении.

Она взяла её за руки и сжала их крепко-крепко.

— Я поговорю с Сафа-Гиреем. Я скажу ему, что если он хочет тебя в жёны, то ты будешь не четвёртой, не пятой, а первой и единственной, пока он этого достоин.

Сююмбике посмотрела на неё с удивлением и робкой надеждой.

— Вы можете так сказать ему?

— Я могу делать всё, что нужно для счастья тех, кто мне дорог, — твёрдо ответила Гаухаршад. — А ты мне дорога, девочка моя. Дороже, чем все политические союзы.

Она встала, поправила платье и посмотрела на Сююмбике с мягкой улыбкой.

— Отдыхай. Я скоро вернусь. И, возможно, у меня будут для тебя хорошие новости, к тому же нужно узнать про развод. В твоём положении это точно законно, я все узнаю у Кул-Шарифа.

Она направилась к выходу, но у самой двери обернулась. Сююмбике всё так же сидела у окна, и в её глазах, наконец, зажглось что-то, чего Гаухаршад не видела там с того самого первого дня. Живой свет. Надежда.

— Сююм, — сказала она тихо. — Ты сильная. Сильнее,

чем думаешь. И ты достойна любви. Настоящей. Не позволяй никому убедить тебя в обратном.

Сююмбике кивнула, и на губах её заиграла едва заметная улыбка.

— Спасибо вам, госпожа. За то, что спросили. За то, что слушаете.

Гаухаршад вышла в коридор и прислонилась спиной к холодной стене, закрывая глаза. Сердце её колотилось где-то у горла.

«Теперь я должна сказать это Сафа-Гирею», — подумала она. — «Сказать, что если он хочет трон, то должен выполнить одно условие».

Она открыла глаза и решительно направилась к себе, чтобы написать письмо. Такое, какого ещё никогда не писала ни одному правителю.

От Гаухаршад, старшей ханбике Казанского ханства, — Сафа-Гирею, законному наследнику престола.

Да будет милость Всевышнего с тобой.

Письмо твоё я получила и прочла с великим вниманием. Рада, что ты не забыл землю, где правил, и готов вернуться, чтобы вновь взять на себя бремя власти. В Казани ждуют перемен. Джан-Али показал себя неспособным правителем, и многие из знати готовы поддержать твоё возвращение.

Булат Ширин, верный мне соратник, продолжает вести переговоры с теми, кто ещё колеблется. К весне, если Всеvyšнему будет угодно, ты сможешь войти в Казань.

Но есть одно дело, о котором я должна говорить с тобой не как ханбике с ханом, а как женищина с мужчиной.

Ты спрашивал в письме о юной ханбике Сююм . Ты обещал защитить её. Слова твои благородны, и я верю, что ты искренен , расцениваю это как желание заключить брак . Но прежде чем я дам своё согласие на этот союз, я должна сказать тебе правду, которую, возможно, не всякий осмелится произнести вслух.

Сююмбике — не просто дочь ногайского бея и не просто политическая фигура, с которой можно заключить выгодный брак. Она живая душа, прошедшая через такие страдания, каких не пожелаешь и врагу. Джан-Али, тот, кто сейчас занимает твой трон, едва не убил её. Она носит на себе следы его жестокости, и только по милости Всеvyšнего она осталась жива.

Я обещала ей, что большие она никогда не будет игрушкой в чужих руках. И я сдержу это обещание.

Поэтому я ставлю тебе одно условие. Если ты хочешь вернуться в К а зань, ты должен взять её в жёны . Сююм — пусть она будет не четвёртой и не пятой , п усть будет единственной. Я знаю, что у тебя уже есть жёны, и я прошу тебя оставить их в Крыму. Когда Сююмбике войдёт в твой дом, она должна стать единственной , не должно

быть более женицин, что разделят с тобой ложе . Ты должен смотреть на неё так, как смотрел твой отец на свою главную жену. Ты должен советоваться с ней, как советовались ханы с теми, кому доверяли. И ты не должен поднимать на неё руку, иначе я, старая женицина, найду способ напомнить тебе о данном слове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.